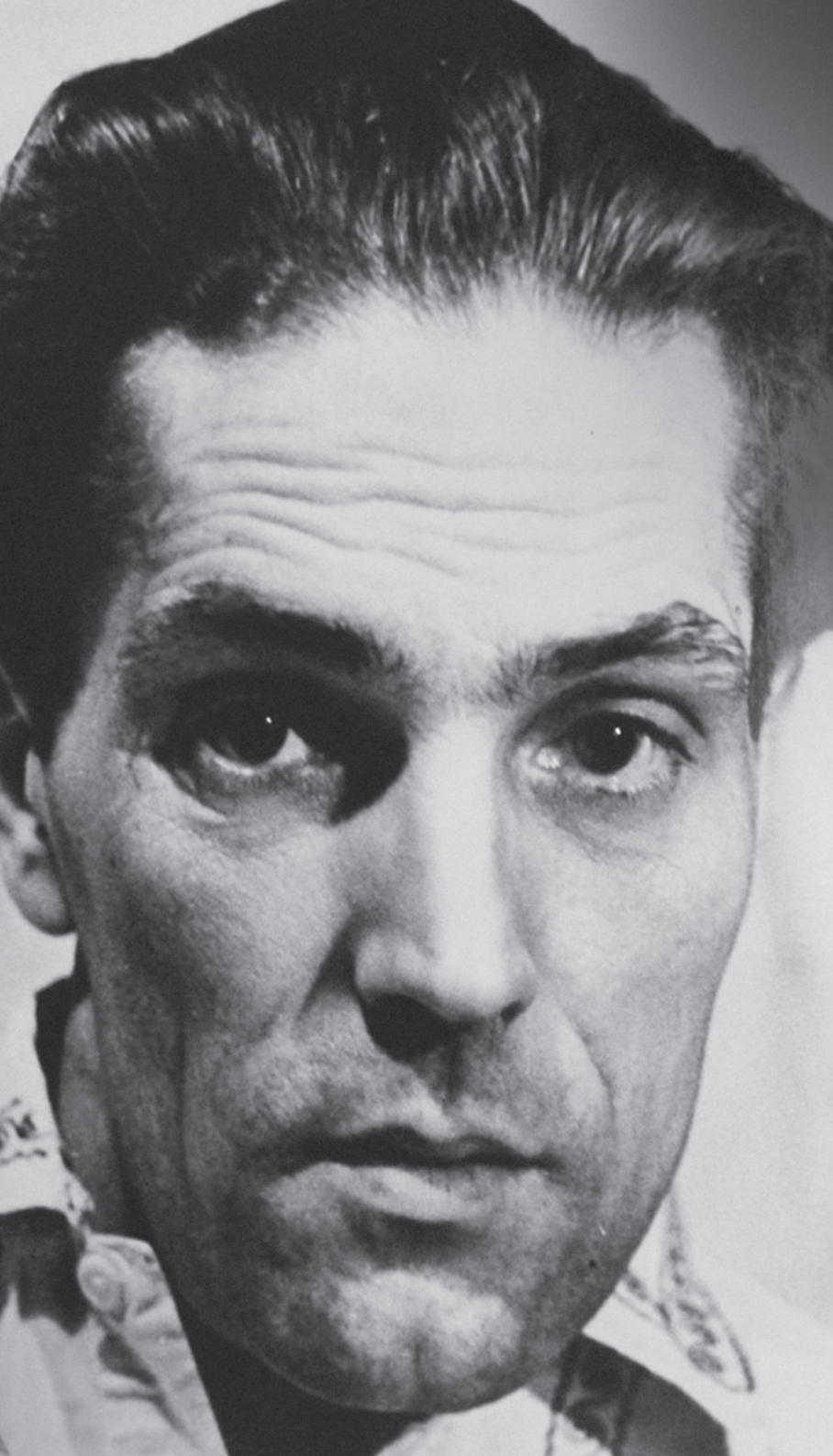


К 90-летию
со дня рождения

Игоря
Николаевича
Григорьева



«Я не
мыслю
себя без
России...»

Международный
поэтический конкурс
им. И. Н. Григорьева

Санкт-Петербург
2014

«Я НЕ МЫСЛЮ СЕБЯ БЕЗ РОССИИ...» Международный поэтический конкурс им. И. Н. Григорьева / сост. Н. В. Советная. – СПб., 2014. – 164 с.

ISBN 9-785-906555-79-3

В книгу вошли лучшие стихи из 2,5 тысяч произведений, присланных на первый Международный конкурс лирико-патриотической поэзии «Я не мыслю себя без России», объявленный С.-Петербургским отделением Союза писателей России в связи с 90-летием замечательного русского поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева (1923–1996).

Многие его стихи отозвались в сердцах поэтов-переводчиков из Беларуси, Украины, Болгарии. Сделанные ими переводы также представлены в сборнике и, несомненно, будут интересны любителям и знатокам братских славянских языков.

Особое место в книге занимает раздел «На Руси нельзя не верить...», в который вошли произведения авторов (в том числе, широко известных), причастных к судьбе или поэзии И. Григорьева – мастера русского слова.

Раздел «Родина в эпитетах Игоря Григорьева», составленный знатоком григорьевского языка А. П. Бесперстых, легко убедит в этом и, быть может, даже удивит.

Стихи, с которыми познакомится читатель, – болевой сгусток любви к Отечеству, энергетический заряд чувств, передаваемый в мировое пространство. Это мощный генератор русского патриотизма, без которого не может существовать государство.

УДК 822-822
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Фотографии
Валерия Шибанова

© Международный институт резервных
возможностей человека, 2014
ISBN 9-785-906555-79-3 © В. В. Шибанов, фото, 2014

«РОССИЯ НЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ...»

Дорогие читатели! Перед вами удивительная книга – в нее вошли лучшие из 2,5 тысяч стихотворений, представленных поэтами на объявленный Санкт-Петербургским отделением Союза писателей России конкурс «Я не мыслю себя без России». Со всех концов огромной страны от Якутии, Сахалина, Тюмени до Урала, Москвы, Калининграда, Пскова приходили письма с заветной пометкой «Конкурс». Откликнулись авторы из бывших советских республик: Казахстана, Грузии, Молдавии, Беларуси, Украины, Латвии, Узбекистана, из стран дальнего зарубежья: Болгарии, Норвегии, Германии, Израиля, Австрии, Бельгии, Италии...

События, предшествовавшие и сопровождавшие конкурс, посвященный русскому поэту-воину Игорю Григорьеву, были воистину промыслительны.

17 августа 2013 года исполнилось 90 лет со дня рождения Игоря Николаевича Григорьева, любившего родную русскую землю каждой каплейкой своей крови, переболевшему всеми ее горестями и бедами, защищавшему ее в годы Великой Отечественной войны на «горемаятной» Псковщине. Легендарный разведчик, руководитель плюского подполья, партизан, талантливый самобитный поэт, создавший Псковское отделение Союза писателей России, и в жизни, и в творчестве был по-русски пронзительно искренен, смел и горяч, словно полыхающая Совесть.

Памятные литературные вечера, посвященные юбилею Игоря Григорьева, прошли в Санкт-Петербурге, Минске, Москве, Пскове, Полоцке, Новосибирске, на Витебщине как раз накануне торжественных исторических дат – 70-летия снятия блокады города-героя Ленинграда, освобождения от немецко-фашистских захватчиков Беларуси, Украины.

Память о русской победе над изощреннейшим фашистским злом всколыхнула страну. Весь мир стал свидетелем взрыва патриотических чувств русского народа, достигших своего апогея во время знаменательного события – возвращения города-героя Севастополя и республики Крым в границы России.

Русский патриотизм (независимо от места проживания его носителя) неожиданно для многих оказался живым, мощным, деятельным и сострадательным. Россия, ни на мгновение не сомневаясь, четко отделила братский украинский народ от бандеровско-фашистской хунты, захватившей власть в Киеве при пособничестве правительств западных стран и США. Русские люди в России и на Украине (составляющие население юго-восточной ее территории), в наши дни цинично, клеветнически нагло объявленные кровожадными агрессорами, не достойными жизни, на самом деле стали единственно реальной силой, противостоящей ожившему спущенному с цепи бешеному зверю фашизма.

Благодаря православно-гуманному русскому патриотизму, идут гуманитарные конвои в пострадавшие, а точнее, практически уничтоженные хунтой города Донбасса. Милосердная Россия и братская Беларусь принимают на своей территории тысячи, тысячи беженцев. Несмотря на то что сотни пленных ополченцев дьявольски замучены бандеровскими фашистами, солдаты украинской армии и даже нацгвардии не боятся русского плена, потому что он становится для них спасением.

«Русские своих не бросают!» – этот лозунг, громко и обнадеживающе зазвучавший накануне гражданской войны на Украине, обрел реальное воплощение не только в связи с возвращением Крыма в Россию, но и в сотнях добровольцев-россиян, вставших на борьбу с фашизмом. К ним не замедлили присоединиться осиянные единым Духом Православия ополченцы из других стран: Беларуси, Сербии, Франции...

Стихи, так же – со всего света – поступившие на конкурс «Я не мыслю себя без России», – болевой ступок Любви к Отечеству, энергетический заряд чувств, передаваемый в мировое пространство. Это генератор Патриотизма, без которого не может существовать государство.

Пришло время возрождения Руси, о котором так мечтал поэт Игорь Григорьев! О любимом крае, о Родине, Отчизне мастер русского Слова писал много, сердечно и мастерски. Раздел сборника «Родина в эпитетах Игоря Григорьева», составленный знатоком григорьевского языка Анатолием Павловичем Бесперстых из Новополоцка, легко убедит вас в этом и, может быть, даже удивит...

В недавние годы разрушительной перестроечной смуты, когда нередко человек вместо гордости за свою (не угодную западному миру!) русскость испытывал стыд, слова поэта-воина «Я не мыслю себя без России» могли показаться атавизмом. Григорьев жил впереди многих, предчувствовал, знал... Сегодня его слово зазвучало в полную силу мощного русского духа.

Символично, что жизнь и творчество Игоря Григорьева, спустя почти двадцать лет после его ухода, все больше и больше привлекает внимание не только ученых-филологов, литературоведов, но и рядовых читателей – ценителей духовно-прекрасного русского языка. Не это ли является признаком настоящей Поэзии?

Многие стихи Игоря Николаевича отозвались в сердцах поэтов-переводчиков из Беларуси, Украины, Болгарии (В. Скоринкин, Н. Шабович, О. Ярошенко, Г. Загурская, О. Сафронова, К. Георгиев). Переводы стихов на братские славянские языки тоже представлены в сборнике (притом иногда одно и то же стихотворение переведено с разных авторских вариантов).

На страницах книги, в разделе «На Руси нельзя не верить...», вы, дорогие читатели, найдете произведения авторов с именами, должно быть, хорошо знакомыми вам. Они не принимали участия в конкурсе, но так или иначе были причастны к судьбе и поэзии Игоря Николаевича Григорьева, который говорил: «...думается и веруется: Россия не может не быть. Без нашей России, без нашей русской души, без нашей мученической веры в мире не будет ни любви, ни добра, ни надежды».

Остается добавить, что сборник лирики «Я не мыслю себя без России...» смог появиться на свет при непосредственном участии, помощи и по благословению сына поэта – Григория Григорьева, заслуженного врача РФ, доктора медицинских наук, профессора, писателя, священника, настоятеля храма Рождества Иоанна Крестителя в д. Южки Ленинградской области.

Наталья Советная,
член Союза писателей России,
член Союза писателей Беларуси

**Стихи финалистов
и лауреатов конкурса**

**«Вечный Дух
родной Руси!»**

ДВЕ ДЕРЕВНИ В СЕЛЕ МОЕМ...

Две деревни
в селе моем.
В первой –
праздник из дома в дом!

Солнце держит, как рюмку, вяз,
А под небом – загулом пляс,
Во дворах над гармонью смех!
Льется песня росой на всех:

«Что ж ты робкий такой, родной?
Ох, нарушу я твой покой...»
В танцах вьюжат и стар, и мал!
Потрясённый плетень упал!

Но народ, как в метель, вошел:
«Эй, гармонь!
Не жалеи!
Еще!»

Облаками стирая пот,
Гармонист уже небо жжет...
И, врезаясь в степной ковыль,
Вихрем кружат платки и пыль...

А счастливые – за рекой –
Шепчут: «Милый, зачем... родной...
Ох!.. Не надо! Пстой! Ой... мой!»

Две
деревни
в селе родном...
В первой праздник –
от дома в дом!
А в другой
за погостом – стынь...
Обнимает кресты полынь...

СЕГОДНЯ МАРТА ПРИХОДИЛА СНОВА...

Им было по тринадцать. Месяц март
Гнал в город ветер с Финского залива,
Что не мешало Марте быть счастливой,
Пока война не спутала им карт.

Всего лишь год прошел, и вновь зима
Стучит шрапнелью града в крыш набат...
Был страшен тот блокадный Ленинград,
Где Марта оказалась вдруг одна...

Он гордым был и из последних сил,
Когда Она свои полпайки хлеба
Ему несла под онемевшим небом,
Ее назад кусок забрать просил,

Кричал Ей в спину злобные слова,
Что не любил, что видеть не желает...
Она брела, по снегу ковыляя,
Как будто престарелая вдова,

Которой смысла в жизни не осталось.
Она Его была б увидеть рада,
Но чистку завершила санбригада,
В тот день, когда Она к Нему добралась...

А на стене письмо – за словом слово
О том, что не успел Ей вслед сказать:

ВЧЕРА УГАСЛИ БАБУШКА И МАТЬ...
СЕГОДНЯ МАРТА ПРИХОДИЛА СНОВА...
МНЕ ХЛЕБ НЕСЛА – СВОЙ ЗАВТРАК И ОБЕД,
ЕЙ НЕ ОТКРЫЛ И КРИКНУЛ: «НЕ НУЖНА»...
СМОТРЕЛ, КАК В НИКУДА УШЛА ОНА,
ЕЁ ПРОГНАЛ, ЧТОБ ЗАЩИТИТЬ ОТ БЕД...
СЛАБЕЮ... А ЕЩЕ ТЕМПЕРАТУРА...
ПУСКАЙ ПОЕСТ... ВЫ ПЕРЕДАЙТЕ ЕЙ,
ЧТО НИКОГО НЕТ БЛИЖЕ И РОДНЕЙ...
СКАЖИТЕ ПРОСТО – МАРТУ ЛЮБИТ ЮРА...

Я ЕЩЁ ЖИВОЙ

И человек сказал: «Я – русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.

Николай Зиновьев

Не надо плача, я ещё живой,
Назло кликушам, в пику лжепророкам,
Живу в краю лесов, озёр и сопок,
В краю степей с нескошенной травой.

Не надо жалости, не надо лишних слёз,
Ведь это я держал штурвал «Варяга»,
С победой я стоял у стен Рейхстага,
И первым я рукой коснулся звёзд.

Я утопал в болотах и в песках,
Я строил БАМ, я мастерил ракеты,
Я исполнял в обители обеты,
Я был распят за веру на штыках.

Я здесь во всем, в берёзах, в ковыле,
В моих сынах и дочерях, во внуках,
Я выжил в них, и в счастье или в муках
Они есть я. Мы живы на Земле.

Неправ поэт. По нам не плачет Бог.
В годину смут крепчает русский норов,
Мы будем жить! И, как сказал Суворов:
«Мы – русские!
Горжусь!
Какой – восторг!»

ЛЮБОВЬ БЕРЕЗКИНА

ГЕРМАНИЯ

БУЗИНА

Пожалей меня, мать,
пожалей, бузина:
жмёт на сердце
усталость предельная.
Полпути мне пройти,
и тобой – спасена,
только радость
тоской
заметелена...

Не подашь человеку
ни хлеба, ни крох:
был земля ты
и в землю отыдеши.
С нищетою и немощью
явственной Бог
в занебесном
отеческом
Китеже.

Я стою на коленях
у самых ветвей,
тяжелеющих
гроздьями чёрными:
дай мне, матушка,
зёрнышко веры твоей
в эти руки,
растить
обречённые.

И тогда поднимусь
островерхой горой,
содрогаюсь
от землетрясения,
над бессилием собственным,
над бузиной,
побеждая
мытарство
осеннее.

Распрямится плечо
в горностай облаков,
призывая
Слова Изречённые,
и вернётся на Русь
благодатный покров,
на бузинные
ягоды
чёрные.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Прислушайтесь, почувствуйте, как внятно
и трепетно касаются лица
шершавинки молвы простонародной
и мягкий бархат красного словца.
Течёт, как речка, матушкина песня.
С рождения знакомая, она
горячую головушку остудит
прохладой льняного полотна.
Неистовые, страстные, шальные –
твои слова негромкие со мной,
ласкают душу, плечи согревают,
как тёплый полушалок шерстяной.
Из недр души исторгнуты, взметнулись,
как птицы, над моею головой
и плач русоволосой Ярославны,
и клич старославянский боевой.
И слово материнское в дорогу – твой оберег –
неси его, неси!
И в храме – доверительно и строго –
молитва во спасение Руси.
Родной язык... Исконные, живые,
таят в себе напев и торжество
приправленные мёдом и полынью
бессмертные речения его!

О СЁСТРАХ, УШЕДШИХ В МОНАСТЫРЬ

Искушённости мирской быль и небыль
Постригальные укроют одежды
И отправят беседовать с небом,
Не оставив на земное надежды.

День за днём в противотоке событий
Напряжение духовных исканий
За обителью выводит обитель,
Словно крестики на шелковой ткани.

Над золотным покрывалом корпенье...
Терпеливость – свойство женщин России,
Дай им Бог не мерой сил и терпенья,
Даже в час, когда терпеть – выше силы,

Даже в час, когда и стены стеноют!
Если часом их в миру повстречали –
Сотаинниц Божества распознают
По мимическим морщинам печали,
По свечению обветренной кожи.
Оправдают неземное призванье –
Лишь бы выткала хитон Матерь Божья,
И не надо им другого признанья.

Сила тайная даётся в бореньях.
Крепнут в трещинках, до боли знакомых,
То же мужество и то же смирение,
Как на наших православных иконах.

И стремишься в эту крепь издалёка,
Выжат в корку бытовой перегрузкой, –
Где впитаешь животворные токи,
Как не в братине обители русской?

Но молитва – это дело иное,
Что-то вроде покаянной хлеб-соли...
Словно вышитый покров над страной –
Их энергия защитного поля.

ФРОНТОВИК

Никто не спрашивал о том,
Чья здесь вина:
Пустой рукав запавшим ртом
Сказал: «Война».

Был труден, голоден и лих
Сорок шестой,
И он ворочал за двоих
Одной рукой.

Твердела мышцами рука,
Росла в кости,
И мало кто фронтовика
Мог обойти.

Он так же крепко обнимал
Свою жену,
И сын с руки его взлетал
В голубизну.

ТЫ – ДОМ МОЕГО БЫТИЯ

По правде, эпитет «великий»
навряд ли ласкает мой слух,
отчизны моей светлоликой
смущая помпезностью дух.

У родины вечно на страже
стоим, за отчизну моля...
Но кто же о матери скажет:
«Великая мама моя»?

Хотим ее видеть здоровой,
разумной и сильной, как встарь...
Но отзвуки русского слова –
горящий любовью янтарь.

Сбиваю сомнений оковы,
гоню понимание вспять...
Великому русскому слову
эпитет «великий» под стать.

Скучаю с тобою в разлуке,
мне тяга к другим – не с руки.
Все иноязычные звуки
ведут к созреванию тоски.

Я стал бы отшельник, молчальник –
мирской суеты мне не жаль,
но я берегу изначально
твою вековую печаль.

Стою часовым на границах
твоей непорочной красы
в сполохах вечерней зарницы,
и в утренних каплях росы.

С тобой я отважный воитель –
в ладье неземного литья.
Ты – друг мой и ангел хранитель,
ТЫ – ДОМ МОЕГО БЫТИЯ.

У СТАРОГО ПОГОСТА

Заброшенный погост... Над старыми крестами,
Где сосны вековые рвутся ввысь,
Оставив суету, неверие оставив,
Прошу тебя, прохожий, помолись!

С молитвой поклонись усопшему народу,
Ведь каждодневно слушают они
Не благовест церквей, а трубный вой завода
И скрежет металлической возни.

Пройди хотя бы раз по узеньким тропинкам.
Здесь каждый крест и каждый бугорок –
Не просто на земле забытая могилка,
А Родины забытый уголок!

Заброшенный погост... Пейзаж его невесел,
Но стороной пройти не торопись.
Не уходи... Постой... Ведь ты и сам не вечен.
Прохожий, об усопших помолись!

* * *

Запуталась в сетях сомнений
В плену чужого серебра
Страна великих преступлений,
Страна великого добра.

Пьяна, обманута, распутна,
В полях метель да волчий вой.
Душой и помыслами мутна,
Стоит с понурой головой.

В крови четвертого Ивана
Багром Романова Петра
Прибита щепкою незваной
К огню балтийского костра.

Сыта бывала и беспечна,
Случалось, падала и ниц.
Как солнце над землёю, вечна,
Страна пылающих зарниц.

Была покорна, бунтовала, –
Горели небо и земля, –
И завоевана бывала
До стен Московского Кремля.

Болела, еле выживала,
Испланных не пряча лиц,
Но снова флаг свой водружала
На купола чужих столиц.

За ёлками не видят леса,
Больную приняли за труп
И галл, и лондонский повеса
Под рев заокеанских труб.

Но в годы вспышек и затмений
Своих не растеряла свойств
Страна великих преступлений!
Страна немыслимых геройств!

СОЛДАТИКИ

Всё в будущем, за морем одуванчиков.
Мне кажется, что я – один из мальчиков.

Александр Кушнер

Нам снились воины, бои в развалинах.
Кричали воины: «Вперёд! За Сталина!».
И прорастали мы из камня битого,
Из фотографии отца убитого.
Ах, сны огромные, послевоенные!
По нашим улицам шагали пленные.
Наш бедноватый рай трещал атаками.
Мы всё татакали, а мамы плакали.
В солдатиков играли мы, в солдатиков!
Катали пулечки из липких фантиков.
Война опять звала в свои пожарища,
Где у солдата – лицо товарища...
И сами мы судьбу свою накликали.
Стальные скрипки вволю попиликали.
Не оловянные сражались лейтенантики.
В чужой земле гниёт зерно романтики...
Так далеко от мам своих зарытые,
Изломанные мальчики, забытые –
Не вспомнить имени, не вспомнить отчества.
Служить Отечеству – путь одиночества...
В руинах времени не спят мечтатели.
Царица-боль взошла, и снится матери –
Звездой мальчик стал. Любви! – не мщенья.
Дух захватило от высот,
Высот прощенья...

* * *

Лёгкой плёнкой лёг на лужи
Первый робкий, хрупкий лёд.
Скован лес дыханьем стужи.
Тихо, мягко снег идёт.

В небе, бледном и сонливом,
Потонул туман седой.
Счастье – в вальсе суетливом
Падать снежною звездой...

СЕРЕБРЯНЫЙ СВИТОК

Посвящается Игорю Северянину

Приоткрылся серебряный свиток,
Сквозь веков неумную поступь –
Завитушки старинных открыток,
Букв чудных амальгамная россыпь.

Разбирая прошедшего вязи,
В листопадные парки укроюсь, –
Духом строгих чернильных гимназий
Проникаясь, душой успокоюсь.

В узких улочках старого града
Петербурга дыханье застыло.
Серебро потускневшего Сада –
Облупилось, осыпалось – было...

Фрак, фиакр, черный отблеск цилиндра,
Ресторан, поэтический вечер...
И зарница, как божья планида,
В небе вспыхнула тысячью свечек.

Ананасы в шампанском забыты,
Вся сирень и «фиоль» потускнели,
Кубки громокипящие сбиты –
Со столов, что в грядущем сгорели.

Раскидало в расплавленных брызгах,
Амальгамные кружева света...
Серебристые капли блистали,
На щеках уходящего Века.

СВЯТАЯ РУСЬ

Пускай сгустилась темнота –
Зажгутся в храме свечи.
Подохнут черти от поста,
И Русь расправит плечи!

Душа народа вся в огне,
Но не сгорит дотла.
Таится чудо в глубине,
Где даже боль светла...

Ничто не вечно – ну и пусть
Кипят под небом страсти...
Пока стоит Святая Русь,
Не будет бесу власти!

БЕЛЫЙ ГОРОД

Весь в пылце золотой,
Весь пронизанный солнечным светом,
Белый город святой,
Белой ночи жемчужный фантом –
Мост Грифонов над бездной,
Качающий вечное лето
В небе сфинксовом над Невой.
Через чётки цепей,
Через кольца повенчанный с небом
Белый сон королей,
Белых жизней военный батон.
Мост Грифонов над бездной,
Лелеющей вечное лето,
Над дворянской, потухшей навеки,
прощальной звездой.

* * *

Не знаю, сколько месяцев и дней,
Как много нескончаемых столетий,
Бок о бок здесь на улице моей
Ведут войну Монтекки с Капулетти.
Закрывают ставни на тугой засов,
И флаги с чёрной лентой у входа.
Здесь каждый до безумия готов
Доказывать величественность рода.
Немало поколений воспитал
В глухой злобе их воспаленный разум.
А что взамен? Негаснущий пожар,
И каждый этим пламенем наказан.
О том, что род их кожей белей
Или, быть может, лучше образован,
Слова, слова, как тысячи камней,
Летят по обезумевшим Веронам.
Какие бы достойные дела
Ни избраны для гербовой печати,
Для каждого соседского двора
Они противны глазу и некстати.
Сметая грязь шелками с мостовой
Дорогой узкомыслия и страха
Безжалостный родительский конвой
Ведет, ведет сынов своих на плаху.
И новый уж готовится Тибальт
Блеснуть оскалом острого кинжала.
Но не гранит, теперь уже асфальт
Багровое накроет одеяло.
И будут из комодов доставать
Суровые и скорбные портреты.
И будет вновь Джульетта умирать,
Хотя кому есть дело до Джульетты.

* * *

Не о звании вспомнишь, не о ранге
Глядя, как раскинув два крыла,
Над Дворцовой пролетает Ангел,
Осветляя небо добела.

И забудешь, что хотел до боли
Ждать чего-то или попросить,
И начнёшь шептать, помимо воли:
«Отче наш... помилуй и спаси...».

И, прижав к пульсирующей вене
На виске ладонь, поймёшь ясней –
Жизнь, в конце концов, не стоит денег,
Да и прочих ценных векселей.

И, с души снимая груз свинцовый,
Чувствуешь потом из года в год,
Как летит над площадью Дворцовой
Ангел, осветляя небосвод.

* * *

Травили псами бурого медведя...
Блестела шерсть его на солнце, словно медь,
И жаждали расправы и возмездья
Холёный псарь и кожаная плеть.

Собак морили голодом, и жажда
Сушила глотки, разливалась по нутру...
Алкало небо луч последний жадно,
А псарь кричал: ату его, ату!..

И встал Топтыгин... Шерсть на холке – дыбом,
Из чёрной пасти, несмотря на жаркий день,
Клубился пар... Коричневою глыбой
На камни и на травы пала тень.

Огромных лап чудовищная сила
Одним движением ломала псам хребты,
И рёв медвежий ветром доносило
До синей, необъятной высоты...

Пропахли кровью росы и туманы,
Зарёй подёрнулся изменчивый восток,
А там, где зверь зализывает раны,
Вдруг аленький проклюнулся цветок...

РУСЬ ЖИВАЯ

Кто там плачет, что Богом забытая,
Кто там поет «ничто не сбылось...»?
Русь, слезами и кровью омытая,
Ныне вновь подымается в рост.

Собираем мы рать ясноокою,
Копим силы под праведный груз.
Кто там лепит эпитет «убогая»?
Да! У Бога в любимицах Русь!

Ведь любовь – не слащавое месиво,
А тернистый неистовый путь.
Нам и горько, и трудно, и весело,
И назад уже не повернуть.

Осенённые истинной верою
Да с надеждой, что греет, как мать,
Мы идём, и обыденной мерою
Силу нашей души не объять.

Мы дорогой прямою свободно
К общей цели мечтаем дойти,
Мы лелеем мечту благородную –
От наветов Отчизну спасти,

Укрепить рубежи наши прежние,
Утвердить наше слово и мысль,
Да с любовью, да с верой, с надеждою
Устремиться в прекрасную высь!

Что нас ждёт? Где наш путь остановится?
Лишь подсказку нам время даёт:
Русь покорная – словно покойница...
Русь живая – колен не согнёт!

ВЫШЕ ГОЛОВУ, РУСЬ!

Ты прославилась хлебом,
Ты спасала, любя...
Глянь же в зеркало неба,
Узнаёшь ли себя?

Лик греха и печали,
Всех мастей суета...
Где твоя величавость,
Где твоя доброта?

Умирала, горела –
И вставала, любя...
Сколько ты обогрела!
Кто согреет тебя?..

Пусть метель не сдаётся
И в пыли – письма, но
Но Россия – то солнце,
Что на все времена!

И пускай нас не хвалят,
Пусть замучила грусть, –
Выше голову, Ваня,
Выше голову, Русь!

Не согнёмся, и точка, –
Утверждать я берусь.
Выше голову, дочка,
Выше голову, Русь!

РОДИНА

Еду я на родину.
Пусть зовут уродиной,
А она мне нравится,
Хоть и не красавица...

Юрий Шевчук

И убогой, и уродиной
Обзывали тебя, Родина.
Обзывали и куражились,
Душу рвали до прорех –
Да с азартом, да с усердием!
Ты ж, родная, с милосердием,
Незлобивая до святости,
Им прощала этот грех.

Сколько ж ты познала, Родина! –
Чёрной злобы-непогодины,
Ядовитой лжи разводины
Да иудство лжедрузей.
Но, и злобою распятая,
Всё же свет-очей не прятала,
Не сдавала веру с правдою
Экспонатами в музей.

Из родной землицы-полюшка
Прорастает твоя волюшка,
Набирает силы волюшка,
Словно вешняя гроза.
Распрямись над прахом горестей!
Да святится имя гордое –
Твоё имя, моя Родина,
Несравненная краса!

ЯНВАРЬ 1945-го

Казачье предместье.
Рассвет
Сочится в закрытые ставни...
Ты мальчик,
Ты юный, недавний –
Тебе ещё возраста нет.

Но есть за ночь выпавший снег,
Есть клён посреди палисада,
Есть мама.
Другого не надо,
Не знает мальчишеский век!..

Белей госпитальных бинтов
Сугробы январского снега,
Как будто он вовсе не с неба –
Из детских и розовых снов.

Ты мальчик, и нос не дорос
До поздних военных метафор,
И всё же, мой будущий автор,
Ты жил в эту зиму всерьёз.

Выходит, смогли осветить
Январь
Голубые сугробы –
Теперь, через годы, попробуй
Нечаянно это забыть!..

Они растворились в крови:
И солнце,
И скудные чащи,
И сводки «Последнего часа»,
Как голос Отчизны:
– Живи!

* * *

Просторы заворачивает снег
В кули и короба светло, неспешно,
Чтоб проявился, как на пленке, век
Останком Храма с фреской потемневшей.

И лик прекрасен, и нисходит свет
(Свидетелями – ангелы и птицы)...
Так проступали пятна Плащаницы
Сказать, что есть Любовь, а смерти – нет.

* * *

Жду от взра́щенного ложью
поколенья – покаянья.
Правду Божью,
поле с рожью
ставлю в центр Мирозданья.

В нём земля насквозь прошита,
словно дырочками сито,
перекрёстными ветрами,
кровью, потом и слезами.

Это поле – ось орбиты
русской веры и культуры:
поле Куликовской битвы
с Золотой ордой гламура.

Я БЫВАЮ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Темнота... Темнота такая...
Темнота – «хоть выколи глаз»!..
Сверху льёт; по глине сползая,
Я ползу... уж в который раз...

...Днём как будто бы всё в порядке,
Ночью хуже – тогда кричу...
...Я солдата на плащ-палатке,
С поля боя... опять тащу...

Упираюсь, скриплю зубами...
В ноги раненный человек
Окровавленными ногами
Молча месит горячий снег!..

Упирается... и толкает!..
Загрызает зубами боль!
...Помогает... Мне помогает!..
Сколько ж воли в нём?!. Сколько воли!..

...От меня, вижу, мало толку...
Как в бреду: «Потерпи», – шепчу...
Знаю, если я вдруг умолкну,
Не осилю, не дотащу...

...Мы добрались до медсанбата...
«Будем жить!» – то выдох иль стон...
Нас подхватывают ребята –
Руки, лица со всех сторон!..

...А потом яркий свет, палатка
И задавленный в горле стон:
«Я смогла донести солдата?..
...Или он меня? Или он...»

ПОЛЕ

Полночь без луны,
Путь мой без дороги.
И ничьей вины,
Никакой тревоги.

Игорь Григорьев

Среди невиданных раздолий,
Как незапамятный урок,
В России вечно славят Поле –
Всему незыблемый исток.

Во времена далёких предков,
Взращённых первой бороздой,
Уже тогда мы слились крепко
Под путеводною звездой.

Мы им росли и прирастали.
И всякий раз в эпоху бед,
Как свет, мы снова обретали
Поля невиданных побед.

Как Свет – святое это слово,
Как Благовест и как Наказ:
Бородино и Куликово
В душе у каждого из нас.

И если кто решится снова
Грозить нам удалью своей,
У нас в ответ найдётся Слово,
У нас достаточно полей.

И жить достанется доколе,
Знай незапамятный урок:
Воистину и вечно Поле –
Всему незыблемый исток.

БАЛЛАДА ПОГИБШЕГО СЫНА

Я во сне прихожу к тебе снова,
Поседевшая мама моя.
Материнскому скорбному зову
Бесконечно верны сыновья.

Будто не было той похоронки,
Будто встреча у нас – наяву.
Выйдем в поле да сядем в сторонке,
В росяную густую траву.

Приласкай меня, мама, как прежде.
Как рука твоя стала легка!..
Ты давно ли в любви и надежде
Той рукою качала сына?

Только старость твоя не согрета,
Только добрый твой дом – одинок.
Ты прости меня, мама, за это –
В том бою я иначе не мог.

Ты все та же – в платочке из ситца,
Загорелые ноги в пыли.
Я к тебе припадаю частицей
Отвоеванной кровью земли...

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Отпадают названия,
Непрочны, как желтые листья.
Отпадают сравнения,
Хоть смысл их умён и глубок.
Да нужны ли они?
Пусть останется море
Балтийским,
Пусть янтарным останется
Этот горячий песок.

Неподвижно сию
Возле двери за столиком низким.
Осторожные капли
По крыше кафе шелестят.
И слова не нужны,
Пусть останется море
Балтийским,
Пусть останется ясным
На нем молчаливый закат.

МУЗЫКА РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Я принесла кусочек поля
В скрипучем ветренном ведре.
Как сок в ореховом нутре,
В нем кроются покой и воля.
В сплетении сухих корней
Я вижу слово. Мне знакома
Поэма земляного кома
И музыка, что скрыта в ней.

ПАСЕКА

Игорю Николаевичу Григорьеву

За просекой, за полосой,
В лесу есть пасека.
С душистой гречневой косой,
Со вкусом праздника.

У родника растёт всегда
Берёза крепкая,
Дорога дальняя туда,
На картах – редкая...

Дойди, не ленись, мой друг,
Сторицей выручишь!
Волшебных мест хрустальный звук
Нахрапом выучишь!

И трав настой, и песнь косца,
И рифму хваткую....
Там настоящего пыльца
На память сладкую.

ГРИШКА-РАССТРИЖКА

(Из истории Смутного времени)

Как от грязи мир не вымыть,
хоть работай день за днём,
так из прошлого – не вынуть
ничего, что было в нём.

И коль там немало грусти,
то она – была не зря...
...Так вот раз, в науку русским,
Бог послал нам лжецаря.

И, спеша сравняться прочно
с государей чередой,
тот решил жениться срочно
на полячке молодой.

Тут и панночка примчала,
и, на русский быт плюя,
закатил он пир венчальный,
мясо в пятницу жуя!

А потом, когда другие,
как велел им Сам Господь,
в храм идут на Литургию,
эти – в бане тешат плоть!

Православной нашей вере
не желая честь воздать,
как, скажите, в полной мере
на Руси любимцем стать?

«Разве ж это царь? Расстрижка!» –
порешили москвичи.
И, ворвавшись в спальню к Гришке,
подняли его в ночи.

Суд был скорый и без чванства.
Тело – сбросили с моста...
Бог бы с ним, что самозванство,
как стерпеть, что – без Христа?!

* * *

Только здесь идут снега не в срок,
Только здесь таким бывает лето...
Потому-то столько светлых строк
В арсенале русского поэта!

Всё годится: и июльский гром,
И осенней нежности мотивы,
Даже лужи за моим окном
В ранний час особенно красивы...

Не боюсь седого января –
После вьюг подует тёплый ветер...
И, на все невзгоды несмотря,
Родина моя живет на свете!

БЕЛАРУСЬ И РОССИЯ

Есть названия извечно святы,
В каждой буковке – лучик любви...
Две сестры – Беларусь и Россия,
Две сестры по судьбе и крови.

Обе искренни и синеглазы,
Над обеими – лёт журавлей,
Отражаются ивы и вязы
В чистых водах, что неба синей.

В душах – вольницы вечной стихия,
И от пращуров в них – непокой.
Две сестры – Беларусь и Россия,
Не отделишь одну от другой.

Наступали годы лихие...
У пучины на самом краю
Две сестры – Беларусь и Россия –
Шли на битву в едином строю.

Мир иной... Но кого ни спроси я,
Эти чувства всё так же остры.
Две сестры – Беларусь и Россия,
Две руки...
Две любви...
Две сестры...

СТАРЫЙ ИЗБОРСК

Мерещатся древние стены,
Сухой известняк и в пыли
Дороги, как вздутые вены
Моей ненаглядной земли.

Иду, куда сердце подскажет,
Вдоль озера, мимо ключей,
И речь мою холодом свяжет
Пробившийся к свету ручей.

Подальше от мира и люда,
Поближе к Началу начал,
Туда, где когда-то, как чудо,
Меня птичий гомон встречал...

Теснят городские трущобы,
Оковы сомнений прочны,
И золотом стёршейся пробы
Слепят ненаглядные сны...

ТЫ ПРОСТИ, РУССКИЙ ЦАРЬ!

Уходит ночь, встает заря –

С рассветом я молюсь.

За что ж мы – русского Царя,

За что ж мы – нашу Русь?

Она была милее всех,

Ее боялся враг.

За что же мы... такой-то грех! –

За что ж Царя мы так?

Летела буря, злом клубя,

Смеялся супостат...

Зачем мы розгами себя,

Зачем, сестра и брат?

О, сколько было злых потерь –

Нам это не забыть...

Скажи нам, Царь, как быть теперь,

Как дальше жить? Как жить?!

ПЕСНЯ РУССКАЯ

50-летию Псковского

Русского народного хора

Песня русская, родная,
Песня псковская, тверская,
Песня из донских степей,
Ставропольских ковылей...

Сколько лет звучала ярко –
Так, что сердцу было жарко,
А теперь всё реже, реже.
Люди те же, да не те же...

Что-то песня не поётся
У архангелогородца,
Что-то песню не поёт,
Тот, кто в Вологде живёт...

И Сибирь молчит чего-то,
Видно, петь ей неохота.
И станичники молчат,
Не порадуют девчат...

Редко-редко где прорвётся,
Где уже совсем неймётся,
Запоёт «свою» село –
Песню русскую – назло!

В пику песне чужеродной
Зазвучит напев народный,
Силу песня наберёт,
Заволнует, уведёт...

И отрадно, и сердечно –
Слушать можно бесконечно,
То смеяться и шутить,
То от грусти слёзы лить.

Русский хор! Живи вовеки!
Как текут в России реки,
Волга, Лена, Обь, Иртыш.
Вместе с песней устоишь!

Сноп златой, где ржи колосья,
Не сломать, не разорвать, –
Так твоё многоголосье
Будет за душу нас брать.

Вместе с песней прежней, новой
Лучше видится основа,
Вечный Дух родной Руси!
Пойте ж! Господи, спаси...

Владимир Сапрыкин

Анапа

РОДНИКИ

Мне приснились родники юности моей,
Дом на косогоре в свете фонарей.
Защемило сердце, тронуло до слёз,
Будто окунулся в море детских грёз.

Родники-источники юности моей...
Не вернуть обратно босоногих дней.
Родники клокочут, бьются в перекат,
И всё также птицы в синеве парят.

Родники искрятся ключевой водой,
Будто бы колдуют над моей судьбой.
Мне сулили карты жить и не тужить,
Но судьба ручьями от меня бежит.

Мне поныне снятся детства родники,
Дом на косогоре у Кубань-реки,
И дымок Отечества трогает до слёз,
Будто окунулся в море детских грёз.

* * *

Писать анапестом. Не думать о печалях.
Варить супы. Привычно отвечать.
Ласкать детей. Не упускать деталей.
И улыбаться чаще. И молчать.

Не лгать себе. Ценить любое слово.
И жемчуга в корыто не бросать.
И нить надежды с ниточкой основы
На стане дней смиренно соплетать.

КЛИМОВСКИЕ СТАРИКИ

Земная даль и высь небесная,
тлен, лопухи да лебеда...
Глухая станция Безлесная
примёрзла к роще у пруда.

В селе пристанционном Климове,
изнемогая от тоски,
наедине с родными зимами
неслышно тлеют старики.

И, возвышаясь над платформою,
чтоб съездить в Муром или Ковров,
они, как головешки чёрные,
торчат уныло из снегов.

Морозом веет утро раннее,
и, в такт неспешным словесам,
чуть вьющийся дымок дыхания
восходит тихо к небесам.

Подходит поезд приторможенно.
Здесь, во владимирской глуши,
в глазах, смотрящих настороженно,
горит непроданность души.

Простые люди, неказистые,
дана вам Божья благодать.
У вас нашествию антихриста
учусь я противостоять.

Гляжу на вас – и сердцем чувствую:
что будет – так тому и быть...
Пока вы живы, землю Русскую,
ей-Богу, есть за что любить.

* * *

Скрипит земная ось. Земли телега,
Орбиту подминая колесом,
Везёт нас в тишину и тяжесть снега,
Пусть первый снег пока и невесом.

Ложится он на сонную дорогу,
Скрывая корку утреннего льда...
А нас везут, как встарь везли к острогу
Преступников царёвых навсегда, –

Молчал казённый сумрачный возница,
Тянулись мысли и душа назад,
Цеплялась память за родные лица,
И колокольчик тренькал невпопад.

Но где-то впереди, в кромешной дали,
Мерцали огоньки за пеленой...
Там, в деревнях, старухи подавали
Краюшку хлеба в тряпочке льняной.

* * *

Нас бросила война в немецкий город.
Кругом руины – жизнь истёрта в крошево.
Поникший дуб ночной бомбежкой вспорот.
Трава седая пеплом запорошена.

У нас тогда обед недолгим вышел.
Картошка, хлеб – провизия не очень-то.
И вдруг в сердцах, давно уже остывших,
Былые раны вновь закровоточили.

К нам из руин, из каждой рваной щели,
В лохмотьях жалких, в рубищах неметчины,
Шатаясь от бессилья, вышли тени
С потухшими глазами человечьими.

Как призраки, с печатью зла и смерти,
Уставшие, чудовищно голодные
Из тьмы холодной в свет шагнули дети,
Неизмеримым горем заклеянные.

Мы замерли. Никто не шевелился.
Погасли разговоры от волнения.
Страдание, как тень, легло на лица
В то долгое, как жизнь сама, мгновение.

Потом делили хлеб. И к черту память,
Хранившую жестокость их родителей.
Мы им не дали сгинуть и растаять.
И выжили руин печальных жители.

...И каждый раз, о прошлом вспоминая,
Я думаю, отсеяв все ненужное:
Любовь и на войне не умирает.
Она сама
как грозное
оружие.

БАБУШКИНЫ ПЕСНИ

Помню, бабушка, бывало,
При коптилке напевала:
«Ты гори, моя лучина,
Догорю с тобой и я...»
Точит бабушку кручина.
Я внимал той песне немо,
А в окне ночное небо,
Как осколок бытия.

Глохнул мир от канонады.
Не близки ещё парады.
Не разгромлен враг. Победа
Лишь приблизилась едва.
Верилось, минуют беды,
Вновь муку просеет сито,
Снова будет хлеб досыта...
Только бабушка – вдова.

И она всё напевала
Отрешённо и устало,
Как по Муромской дорожке
Всё стояли три сосны...
Утихало понемножку,
Притуплялось в сердце горе,
Той тягучей песне вторя,
Лишь глаза от слёз красны.

Нынче, средь забот житейских,
И домашних, и вселенских,
Песни те не поневоле
Я несу в своей крови.
То ли липа вековая,
То ли тройка почтовая...
Это всё – о русской доле,
Значит это – о любви.

Я ПАВЛИКА НА САНОЧКАХ ВЕЗУ...

Нам повезло, что Пашка умер в среду.
А карточки давали в понедельник.
И птичью норму эту мне и деду
До крошки мама тщательно поделит.

Соседка Валя точит гайки, вроде,
Для танков. Только это есть секрет.
Случается, покормят на заводе.
И я бы мог. Сказали – мало лет.

А Вовку взяли, он здоровый боров.
Дразнили в классе: «Вовочка – жиртрест!».
И у станка, гляди, суровый норев.
Зевнешь – и с голодухи палец съест.

А дед спалил последнего Толстого.
Сыта буржуйка миром и войной.
И почтальонша с тощей сумкой снова
Глаза отводит, встретившись со мной.

Метёт вовсю. И нет всему предела.
Я Павлика на саночках везу...
И очередь у Сфинксов поредела,
Что за водой у проруби внизу.

Анатолий Форов

БЕЛГОРОД

* * *

Россия, верю, сможет выжить,
Пройдя и боль, и нищету.
Она сегодня к Богу ближе,
Лицом припавшая к кресту.

Ей быть в веках непобедимой,
Всегда желанной и святой,
Пока несёт Господь незримый
Над Русью крест священный свой!

Ришат Халиуллин

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

БЕРЕЗЫ РУБЯТ

Березы пилят поутру,
Березы рубят по нутру
И палят белую кору,
И пахнет баней на ветру.

Шипят сырые потроха –
Щепы и веток вороха,
В прорубленную синь высот
Парит невыбродивший сок.

Лежит земли бесценный труд –
Берёзы вылущенный труп
В своей чудовищной красе...
Здесь пустят новое шоссе.

ПРИХОДИЛ СЫН БОЖИЙ

Можно подытожить:
Было время Оно,
Приходил Сын Божий
К берегам Кедрона.

Шел во град к заблудшим,
Нес, как светоч, слово,
Говорил о лучшем,
Говорил толково.

Возгласы звучали,
Был встревожен кто-то,
Отворял в печали
Яффские ворота.

Дан венец герою
В прошлый светлый праздник,
Поднят над горою
Крест большой для казни...

Алой ткани роба,
Узник – птица в клетке,
А от врат до гроба
Пальмовые ветки.

Смерть ложилась ношей,
Взваленной на плечи, –
Это знак хороший,
Если время лечит...

Омывало море
Цепь столетий кряду,
Притупилось горе.
К новому обряду

Куплен в сильной давке
Деревянный крестик,
У торговца в лавке,
Что на лобном месте.

ТЫ ПОСЕДЕЛА, РУСЬ

Над полем – Русь, в загашнике – тревога:
Зачем дожди в косые купола?
И кто-то пьяный с мокрого порога
Дойдёт до поминального стола,

Утопит стопку в чёрном котловане,
Раскатит слёзы по кривой губе,
И кинется захлёбываться в ванне,
С хрипотой причитая по тебе:

«Ты поседела, Русь! Ты поседела.
И не виски твои, глаза – как снег.
Пока старели юноши без дела,
Твои ладони грели этот век.

Узоры, ветки, завитки и смычки
Впечатались в сердитые сердца,
Сплелись в груди, как рельсы, перемычки
Ивана, Марьи, матери, отца»...

Без слёз моргает. И в мозолях веки,
Хоть лад налажен и облюблен люд,
Мука с небес осыпалась в сусеки,
Гремит в геенне огненный салют.

Вошь вожделения... Спасётся ль паства
От тонкой тени за худой стеной?
Как белый червь, на щётку лезет паста,
И дышит ночь обугленной спиной.

Ты поседела, Русь! Ты поседела.
Зачем дожди звонят в колокола?
Зачем душа без края, без предела,
Спит на углу дубового стола?

Никто не знает, отчего так грустно,
Ты отпусти, печаль, нам надо, пусть...
Как свежий снег, на сердце что-то хрустнет,
Зачем ты с нами поседела, Русь?

Виктор Шишканов

Нижний Новгород

МОЙ НАРОД

Святая Шапка Мономаха
Весы судьбы качнула так,
Что орды стали горсткой праха,
Над коим реет русский стяг!

Пушай столетье за столетьем
И дым стеной, и кровь, и пот...
Как обух не ломаешь плетью,
Так и не сломишь мой народ!

Владимир Шугля

Тюмень

* * *

Россия, Русь! Храни себя, храни!..

Н. Рубцов

Опять, как будто на войне,
В который раз живем в болтанке.
Отчизна путь свой, как во сне,
Торит, хмельная спозаранку.

О Русь! Храни себя, храни!
Храни Москву, и Минск, и Киев!
Пройдут распутия злые дни –
Зарниц вершится литургия.

И горний мир придет извне
В дома Руси, в леса, на пашни...
Бог повелел моей стране
Жить этим днем, а не вчерашним.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Молодой, коренастый, зеленый,
Как ты быстро прорвал перегной –
Голубой глубиной окрыленный,
Слишком дикий и слишком родной.

В черноземе по самые плечи,
Рвешься в небо упрямой листвою,
Отстранив иноземных наречий
На корню одичавший привой.

Как ломали тебя и давили,
Прижимали листвою к земле!
Шевелил ты ветвями тугими,
Выпрямлялся в поруганной мгле.

Каждой веткой – погнутой, побитой –
Первозданные ловишь струи,
И вплетаются в землю санскрита
Праславянские корни твои.

Литераторов бойкие стайки
Реют в кроне твоей дотемна.
Так в саду одряхлевшей хозяйки
Разрастется порой бузина...

ВЬЮГА

Игорю Григорьеву

Не до сомненья.
Не до испуга.
Кровавой тенью
Шальная вьюга
Горит над миром,
Над хатой русской,
Над Псковом милым,
Над бедной Плюссой.

А вам же, братцы,
Лишь восемнадцать...
Пора смеяться,
Пора влюбляться –
Промчалась мимо.
Ведь мысль тревожит:
– За край родимый –
Года подполья.
Не мы?.. Так кто же?!

Пути-дороги...
Ребят до боли
Погибло много,
Но до Победы
Для мирной жизни
Бойца-поэта
Хранил Всевышний...
Не до сомненья.
Не до испуга.
В стихотвореньях
Пылает вьюга.

**Внеконкурсные
стихотворения**

**«На Руси нельзя
не верить...»**



ПАМЯТИ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА

Тяжко, и муторно, и тошнёхонько сейчас всем
нам, русичам... Только думается и веруется: Рос-
сия не может не быть. Без нашей России, без на-
шей русской души, без нашей мученической веры
в мире не будет ни любви, ни добра, ни надежды.

И. Григорьев

Он любил Россию всей душой –
Ратник и Поэт её большой.
Не ходил он в розовых очках,
Не писал он в розовых тонах,
Ему было вовсе не «начхать»,
Что погрязла в нищете страна,
Что воруют, беспросветно пьют,
Что цветет, как мак киргизский, блуд,
Что грабёж – как в смутны времена...
Его «хата с краю» не была, –
Не жалел он для других тепла.
Но – до дней последних – презирал
Тех, кто Веру, Совесть, Честь попрал,
Кто по фарисейской шел тропе:
Дифирамбы власть имущим пел.
Воин и Поэт Руси святой
Будет вечно в памяти людской.

Николай Болдовский

СЕРДЦЕ РАССПРОСИ...

Из Беларуси в Невель –
через гром,
Как через тучку, –
едем вчетвером:
Вокруг –
под зрелым колосом поля
И пьёт грозу
довольная земля...
Выходим мы
к России на поклон:
К ручьям,
что, как весной, со всех сторон;
К грозе,
уже бомбящей дальний лес;
И к дождику,
что и под зонтик влез;
К озёрам
в придорожной полосе;
К берёзкам
в белодевственной красе, –
Всё схоже
в Беларуси и Руси,
А где роднее –
сердце расспроси.

В ней, крестильной, в эпохе советской
Начиналась моя одиссея.

И тогда голубело над бором,
По-над озером в ризе-окладе,
Так же облако тайным дозором
Проплывало в ажурном наряде.

В восхищенье озёрной глазурью
Я хочу с затаённою грустью
Восторгаться не только лазурью,
А и гордой российской сутью...

У ОЗЕРА

Расплескалась лазурь по-над бором
И в озёрной купается глади,
Чьё-то облако тайным дозором
Проплывает в лилейном наряде.

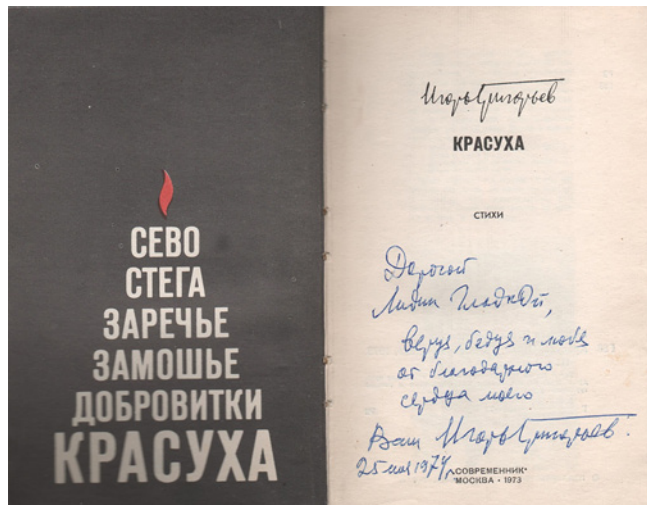
Грустно тенькает птичка-певунья,
Не смолкая, – проси не проси я...
Предо мною в одежке июня
Растворённая в сердце Россия.

Затаённо, в наивности детской,
Утопаю в родимой красе я –

Лидия Гладкая

АВТОГРАФ НЕЗАБВЕННОГО ДРУГА

Для меня, принадлежащей к поколению детей Великой Отечественной войны и Победы, дороги и святы имена многих писателей и поэтов фронтового поколения. Божьей милостью мне дарованы были не только встречи с ними, но и дружба, и даже творческое сотрудничество. К сожалению, сейчас у меня остались лишь их портреты и автографы на подаренных некогда книгах. Я бережно и благодарно храню их как дорогую память о старших братьях по поэзии, добрых, внимательных и доброжелательных друзьях. Одним из таких дорогих мне людей был Игорь Николаевич Григорьев, талантливый поэт фронтового поколения. Берегу как реликвию его книгу с автографом «Красуха» вот с таким незабвенным автографом:



Он прислал мне книгу с этими словами в связи с выходом моей первой книги «Листок ветровой», после которого против меня началась настоящая

травля. Но не только: в то время я получила много писем от писателей и поэтов-фронтовиков с добрыми словами признания и поддержки. Но, пожалуй, именно Игорь Николаевич нашел для меня самые главные и необходимые слова, которые помогли мне стойко выдержать все нападки и злобную критику. Я до конца дней сохраню благодарность этому прекрасному незабвенному человеку, талантливому поэту-патриоту, моему другу и единомышленнику.

* * *

– Чем ты жива? – меня спросили. –
За что ответишь головой?
– Берёзы-матушки России
листок я малый ветровой.
На всех ветрах трепало горе,
и осознала я не вдруг:
меня питает мощный корень –
родной язык и светлый дух.
В моей крови живица-вера,
слова – «авось», «небось», «ура» –
и русская безмерность – мера
любви, терпенья и добра.
Горжусь, хоть понимаю кротко:
моей недолгой жизни срок –
России вечной миг короткий,
но с Ней – единый, видит Бог...
И что с того, что пожелтею,
скукожусь, с ветром отлечу?
Дышу одним дыханьем с Нею –
иного счастья не хочу!

ОТ БЛАГОДАРНОГО СЕРДЦА МОЕГО...

У одних людей дорога жизни – словно шоссе асфальтированное, монотонная, без крутых поворотов и перепадов, а у других – вся в ухабах, трещинах, с крутыми поворотами. Именно такая – у меня.

Первым трагическим поворотом моей судьбы, ленинградского мальчишки из семьи учителей русского языка и литературы, стала война. Она застала меня в Порхове, куда я был отправлен мамой на лето к родным репрессированного отца. Четыре года в оккупации... Скитания по окровавленной, пылающей Псковщине и враждебной Прибалтике, постоянный голод и желание любым путем выжить превратили меня в подранка, почти звереныша. Именно тогда я впервые узнал вкус алкоголя: служившие фашистам предатели Родины для потехи «угощали» меня за кусок хлеба. С тех пор я на всю жизнь возненавидел войну и проникся чувством горячей благодарности к своим спасителям и освободителям, ценой своей жизни и крови добывшим Победу в Великой Отечественной войне.

С первых же шагов на пути в литературу я удостоился внимания и поддержки писателей и поэтов-фронтовиков: Давида Дара, Евгения Винокурова, Михаила Дудина, Сергея Орлова, Федора Абрамова и еще многих других, в том числе – поэта фронтового поколения Игоря Николаевича Григорьева, псковича по происхождению. А ведь я по отцу тоже «скобарь», и моя фамилия – Горбовский – от псковской деревни Горбово... И я ведь не понаслышке знаю, а собственными глазами видел и сам пережил ужасы войны и оккупации на Псковщине. Поэтому мне особенно близко было творчество этого талантливого и страстного поэта.

К сожалению, все эти дорогие мне люди, кроме Даниила Гранина, ушли в мир иной. Вечная им память – благодарная и светлая!

На еще одном из перепадов моей судьбы моим спасителем и освободителем стал сын Игоря Николаевича – Григорий. Случилось это в 90-е годы, когда я после почти двадцати лет полной трезвости снова запил. Главной причиной этого была разруха – в стране, а также и в моей семье, и как следствие – в моей душе. Наступил новый мучительный период борьбы с зеленым змием... И тут Григорий Игоревич Григорьев протянул мне руку, пытаясь выволить меня из бездны алкоголизма – беды, корнем которой было беспризорное военное детство и последующие несладкие годы юности. Он прилагал всяческие усилия, чтобы спасти меня. Бесчисленные капельницы и прочее специальное лечение сопровождалось настойчивым приобщением к православной вере. Именно ему я был обязан отправкой в Зеленецкий монастырь. Увы, там я не стал ни монахом, ни даже достойным послушником. Зато там я написал Зеленецкий цикл стихотворений, который я посвятил своему спасителю. Два из них опубликованы в этом сборнике.

Григорий Игоревич помогал мне справляться не только с алкоголизмом и потерей веры в Бога. В 1996 году, когда от тяжелой болезни и старости умирала моя матушка в Новороссийске, ухаживать за ней мне помогли присланные им медики.

В начале XXI века он пригласил меня пожить на свою дачу и попросил поработать над продолжением задуманной нами книги «Апостолы трезвости». Затем эта рукопись была опубликована им в сборнике «Исцеление словом». Ухватившись за добрую и надежную руку не просто врача-лекаря, а врача-друга и освободителя, я вернулся к активному творчеству и вере в Бога. И потому, наверное, жив до сих пор, храня благодарность за это обоим Григорьевым – отцу и сыну.

Во дни печали негасимой,
во дни разбоя и гульбы –
спаси, Господь, мою Россию,
не зачеркни Ея судьбы.

Она оболгана, распята,
разъята... Кружит вороньё!..
Она, как мать, не виновата,
что дети бросили её...

Как церковь в зоне затопленья,
она не тонет, не плывёт –
всё ждёт и ждёт Богоявления!
А волны бьют уже под свод.

В атмосфере дремучей, объёмной,
за лесами, за Свирью-рекой –
слушать издали гомон церковный,
обливаясь звериной тоской...
Лес гудит, как ночная машина,
ветром-ухарем взят в оборот...
А душа, как стальная пружина:
не опомнишься – грудь разорвет!
Как поют они чисто и мятно
в тесном храме, ничьи голоса...
Неужели тебе непонятно:
там от века – синей небеса!
Только там, за оградой церковной,
там, под сводами горней мечты, –
обиталище Воли Верховной.
Так войди же под своды и ты!
Обогни неслепую ограду,
отыщи неглухие врата,
и получишь свободу в награду.
И любовь. И уже — навсегда!

Я остаюсь вот в этой жизни –
зеленошумной, золотой,
принадлежа моей Отчизне,
но оставаясь за чертой.

Я душу выплеснул стихами,
они – последний мой приют.
Пусть, возвращая миру память,
строками Правды запоют.

АЛЕКСАНДР ГУСЕВ

Д. С. Лихачеву

Природа. Родина. Народ.
Раскрепощение – и воля.
Из века в век, из рода в род –
Своя осознанная доля.
Национальные черты,
Как нелегко они даются,
Каких глубин должны коснуться,
В каких горнилах доброты
Перекипеть – и стать собой:
Неповторимостью, судьбой!
Предел, не знающий предела.
...И умолкало все во мгле,
Когда в живой душе звенела
Святая исповедь земле.

СЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ

Игорю Григорьеву

Все меньше, меньше сельских школ
В моем краю.
А разве можно
Не знать, не видеть, как тревожна
Судьба их в общих судьбах сел.

Как будто с ближних нив сюда
Сошлись для горького служенья
И боль, и гнев недоуменья,
И сострадание стыда.

Как будто рушится простор –
И эта высь, и эти доли,
Когда в пути встречаются школы
Тебя молчанием –
В упор!

Им не понять, какой тщеты
Коснулся ты, уйдя в дорогу;
Себя казнить:

Тому ли слогу
И счету был обучен ты?

Каким уроком пренебрег
И утаил свое незнание
Гордыни звонкой в оправданье?..
Так пусть продолжится урок!

Но сколько будет дважды два,
Пустые классы забывают
И, словно эхо, повторяют
Твои шаги, твои слова.

Здесь так мучителен глагол:
Пришел!
Приехал!
Возвратился!..
В моем краю, где я родился,
Все меньше, меньше сельских школ.

Все больше, больше городских.
Ах, мир наш надвое расколот! –
Мы все бежим в железный город
Из этих весей золотых.

Зачем – не знаем. Но печать
Уже поставлена. И статья,
Нам всем придется возвращаться,
Чтоб снова
С азбуки
Начать.

Станислав Золотцев

КУРГАН ДРУЖБЫ

Кривы – так зовут нас братья-латыши.
Кривичи-славяне были предки наши.
Ими был распахан, обжит, изукрашен
этот мир озерной и лесной глуши.
Кривичи-славяне жили – не кривили
вольною душою с другом и врагом.
И остались имена, и остались были
в языке потомков, чистом и прямом.

И осталось дружество к племенам окрестным,
к «белоглазой Чуди» – так звались они, –
к незлобивым леттам, к молчаливым эстам,
к людям, жившим рядом в те седые дни.
Рядом с ними кривичи на ладьях долблёных
опускали сети в синь озер и рек.
С ними шли бок о бок бить орду тевтонов.
...И опять все это наш увидел век!

Над Курганом Дружбы пролетают гуси,
над лесной границей трех земель-сестер –
Латвии, России, доброй Беларуси...
На его вершине полыхнул костер.

Трех народов дети спят в земле кургана –
словно в горькой памяти, не сомкнувшей глаз.
И под небом звездным братья-партизаны
песней поминают незабвенный час.
И сидят в обнимку боевые друзья –
кривичей потомки, Балтики сыны.
Словно звенья прочные в ковanej кольчуге,
руки и сердца их соединены.

...Торфяной водицей и смолой-живицей
воздух над границей трех земель пропах.
Воздух не разделишь никакой границей,
словно братство наше ныне и в веках.
Витебским и псковским кривичам-славянам,
витязям латышским, севшим у костра,
вечным постаментом стала высь кургана,
и над ней не гаснет песня до утра.

Пламя полыхает бронзою и медью.
Солнце начинает свой целебный труд.
...На исходе века и тысячелетья
на Кургане Дружбы кривичи поют.

ГИМН ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ

Обретая земли и моря,
что тебе принадлежат по праву,
возродись, Империя моя,
Русская Великая Держава!
Древнее духовное зерно
вырастает в новую святыню.
Никому на свете не дано
поселить в душе твоей пустыню.
Чистым светом братства и любви
озарись, единое славянство.
Неубитой волей оживи
наших нив безмерное пространство.
Обрати сиротское жильё
в отчий дом для дочери и сына...
Возродись, Отечество моё,
наша неделимая Россия!
Не поправ собою никого,
оставайся Русью Православной.
Веры предков корень вековой
да пребудет нашей сутью главной.
Пережив лихие времена
униженья, смуты и насилия,
возродись, огромная страна,
вольная и вечная Россия!
Над сынами павшими скорбя,
твой соборный мир многоплеменный
пусть навек исторгнет из себя
чуждые границы и кордоны.
Да сомкнутся все твои края
под багряным стягом Правой Славы.
Возродись, Империя моя,
Русская Великая Держава!

«У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО...»

Доченька, сестричка и подруга
 Не жалея, мстила за отцов,
 Братьев, матерей, родного друга...
 У войны – не женское лицо.

Снайпером ходила на задание,
 Первый выстрел – руки затрясло...
 Нет!
 Врагам не будет оправдания:
 У войны – не женское лицо!

Раненых под пулями спасала,
 В бой спешила, брала языка,
 И бомбила... – ведь не зря бывала
 Командиром авиаполка.

Не стереть войны воспоминанья,
 Смерть и кровь смыкаются в кольцо.
 Победили!
 Не бывать страданиям!
 У войны – не женское лицо.

АТЛАНТИДА

Поля, знакомые давно,
 Любого цвета или вида –
 Теперь единственное дно,
 Где притаилась Атлантида.
 Она от собственного зла
 Освободилась, по легенде,
 И прямо в океан ушла,
 Чтобы всплывать на континенте.
 И передумано стократ,
 И много сделано открытий.
 Но не договорил Сократ,
 И даже не дописан «Критий».
 Наверно, Атлантиды нет,
 Предполагалось и грустилось.
 Напрасно ищут континент,
 Куда она переместилась.

А тут знакомые места
 Преодоления простого.
 И по решению Христа
 Отсюда всплытие готово.
 В любой избе любой предмет –
 Ее история живая.

И в каждой – множество примет
 Всего, что выплывет, всплывая.

А то, что выдумал Платон,
 И то, о чём сегодня молим,
 Все это выплывет потом
 Над голубым российским полем.
 И я невидимо стою,
 Скрывая тайную обиду
 За то, что Родину мою
 Мы превратили в Атлантиду.
 И на потребу всем ветрам,
 С моими горькими слезами,
 Сначала выстроили храм,
 Потом его сломали сами.

И вот осматриваем дно
И провоцируем события,
И нам дано и не дано
Признать невидимое всплыть.

* * *

На белизне волшебного картона,
Где прошлого и будущего нет,
Цвета необозримо и бездонно
Произвели один зелёный цвет.
Они пылали в солнечном провале
Под этою грядюю голубой.
Они с лиловым небом воевали
И долго спорили между собой.
И, очевидно, это их заслуга
В том, что пока еще закат горит,
Они спокойно приняли друг друга
И создали единый колорит.
Но если поглядеть из поднебесья,
То мне в глаза бросается одно,
Как не одетая словами песня,
Того картона белое пятно.
Заката видимые отраженья
На всем просторе за душу берут.
Но здесь художник не нашел решения
И не вполне закрасил белый грунт.
Закрась его, уже ни с кем не споря,
Мазком одним, твоим или ничьим,
Чтобы он стал неотличим от поля
И от моей души неотличим.

ВИКТОР КРЕЧЕТОВ

* * *

Где родина моя – в деревне, где родился я,
В деревне, что полвека снится,
Где повезло на свет мне появиться
И где познал я радость бытия?!

Иль там, где юность спешно протекла –
В краю задумчивых лесных озер,
Где ельника и сосняка узор,
Где ночь, как чувства первые, светла?!

Иль там, где я с друзьями пировал
И лучшие растрачивал деньки,
Где не стяжали мы с тобой деньги?! –
Увы, давно с той жизнью я порвал!

А может родина – где мать похоронил?
Где прах ее тоскует без меня?!
Что делать мне при ясном свете дня
Вдали затерянных родных могил?!

ПОЭТ

Лодку мастерил поэт
Весь свой короткий век.
Он давал ей много имён,
И из всех океанов и рек
Выбрал он реку времён.

Лодку мастерил поэт,
Собираясь плыть далеко,
Мыслями витал высоко
Все искал какой-то ответ,
Так и не найдя ничего.

Лодку мастерил поэт –
Мыслями полна голова –
И, пока ему хватало сил,
Все искал, подгонял слова
И у Бога ничего не просил.
Так и прожил счастливо поэт,

В дело рук своих страстно влюблѐн,
Но погиб он во цвете лет,
И поплыл он рекою времѐн.
Лодку мастерил поэт...

МАРИЯ КУЗЬМИНА

* * *

...А я опять гуляю по порталам.
Туда-сюда, и этого мне мало.
Там вижу пыль веков и предков тени,
И это лучше всяких сновидений.
Я чувствую секунды и эпохи
И ощущаю выдохи и вздохи,
Мельканье душ и лики инкарнаций.
И никогда мне с этим не расстаться!
Летаю я свободней птицы вещей
И по-другому понимаю вещи.
Мне хорошо во время этих странствий –
Я ощущаю глубину пространства.
Но я боюсь уснуть и не проснуться
И не хочу уйти и не вернуться.
И будут пусть открытыми каналы,
Чтоб я всегда гуляла по порталам.

ЧЕРНОТА

Кто-то красит краской чёрной
Придорожные цветы.
Посреди бурьянов сорных
Вырастают лишь кресты.

Брат идет войной на брата.
Лязг железа, пыль и дым.
Смотрит сверху виновато
Небо, ставшее седым.

Им уже почти не страшно,
Как в каком-то диком сне,
Засевать железом пашню
Вместо хлеба по весне.

Каждый здесь стоит за правду,
За какую-то свою.
Смерть открыла счет утратам
В этом гибельном бою.

Кто-то красит чёрной злобой
Человечие сердца.
Бьются братья – насмерть – оба.
Сын идёт против отца.

Кто-то тёмный, кто-то страшный –
Он натешился тут всласть.
В этой жуткой рукопашной
Мнится бесу его власть.

Он нарубит щеп. Нарубит.
Но, когда поляжет лес,
Тот, кто слева – душу сгубит,
Справа – в ширь шагнет Небес.

* * *

В белой церкви отпевали,
Приглушая голоса.
Тихо стены обступали
Облетевшие леса.

Свет осенний, золотистый
Вился венчиком у лба, –
Знать, прошла по жизни чисто
Эта Божия раба.

Легкий вздох. Душистый верес.
Все у Господа в горсти.
На Руси нельзя не верить,
Только выдохнешь: прости... –

И уже себя не помнишь.
Только видишь этот мост,
Этой мерзлой пашни комья,
Этот низенький погост,

Эти северные лица –
Уходящее тепло...
На Руси легко молиться, –
Только выжить тяжело.

* * *

...И чистый немеркнувший жемчуг станинный,
И древние царские чаши литые,
Соболи меха и тяжелые гривны,
Кресты, и оклады, венцы золотые,

Премудрые книги, дворцы и одежды –
Всё, всё, что сбиралось во славе и силе, –
По-волчьи делила угрюмая нежить,
А все не насытиться было Россией.

Оплакали птицы разор небывалый –
И канули белые стаи в разлуке...
И жаль мне блаженных полотнищем алым,
Но боле – ушедших на крестные муки.

Туманные дали печалью повиты,
 Ни жен милосердных, ни деток цветущих.
 И небо не свилось, как думалось, в свиток,
 Но нивы, изсились, питают живущих.

Российскою кровью пресытилась сила –
 Нечистая сила самой преисподней.
 Но рано ликуют... Не сгинет Россия,
 Как жатвой исполнится лето Господне.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Судьба преследует поэта
 Не потому, что он чужак,
 И не за то,
 И не за это,
 А просто так,
 А просто так...

Она весьма недальновидна:
 Крушит его и так и сяк...
 А он уйдет,
 И сразу видно,
 Что был мастак,
 Что был мастак.

Что он мостил
 Мостки к рассвету,
 Чтоб Солнцу было, где шагать.
 А где поэт?
 Его уж нету...
 Ему уж поздно
 Помогать.

В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Прискорбно мне.
 Мои утраты
 Неизмеримо велики.
 Да воскресить бы наши хаты,
 Где догорают старики!

Да доглядеть твои глубины,
 Родная Русская земля,
 Не то – грядет колосс из глины,
 Что без вертил и без руля!..

О наша Русь!
 Еще ты дышишь,
 Уже отходишь на погост...
 Как будто ничего не слышишь,
 Твой сын является, как гость,

Да не простак:
Глядит-смекает,
Чего б обратно прихватить,
И потихоньку размякает
Тобою спряденная нить.

А если нитка оборвется,
Нам не связать её концы.
Чужак над нами посмеётся,
А раньше пели бубенцы...

А может быть, уже порвалась?
Былого людям не вернуть,
И сердобольному осталось
Скорее ноги протянуть...

Нет! Не хочу!
О, это слово,
Святое наше слово – Русь!
Все накопления былого
Всех поколений – твой убрус.

Сотри с чела свой пот кровавый,
И оглядись, и улыбнись,
Святая Русь!
О Боже правый,
Какая ширь, какая высь!

А мы в обломках клад отыщем,
Замолим все свои грехи,
И будут по твоим дворищам
Петь золотые петухи.

* * *

Иеромонаху Александру (Фауту)

Хотя ещё безумствуют химеры
И в грешных душах много пустоты,
Гуляет по России ветер веры
Христовой. Всходят золотом кресты.

Яснее память. Ярче предков лица.
Светлее храм. Пышнее каравай.
Россия куполами колосится –
Хранит Господь духовный урожай.

* * *

Живут, чтоб выжить, тихо, без затей –
Им дела нет до нынешних вождей.
В полях – осот, бурьян да иван-чай.
Открой ворота и беду встречай.
Давно не видно сена на возах,
Везде кусты и сорные растенья.
Живетьево живет на небесах,
А рядом с ним – соседние селенья.
На кладбище – у всех кресты в ногах! –
Друзья отца и матери подруги.
И ползают в некошенных лугах
По узким тропкам серые гадюки.
Зайчат в деревне встретишь – не ягнят,
Вокруг домов – осины да берёзы.
Не косы, а кузнечики звенят,
И бабочки порхают, и стрекозы.
Висят замки – не дети! – на дверях,
И смерть приходит чаще, чем невеста.
Стоит Россия, как на якорях,
На кладбищах – её не сдвинуть с места.

* * *

Памяти Игоря Григорьева

Твой дом меня сегодня плохо встретил.
 В подъезде суетились чьи-то дети,
 Лифт промолчал, орали дико кошки,
 К разбитому, немытому окошку
 Прилипла пожелтевших листьев горсть,
 Как растерявшийся, незванный гость,
 Пальто цеплялось робко за перила,
 Звонок вскричал надрывно, торопливо,
 Раскрылась с незнакомым скрипом дверь,
 И комната сказала мне: «Не верь!
 Не верь, не умер князь твой псковский Игорь,
 Который на тебя наслал строк иго,
 Заполонил и рифмами цветными,
 И ритмами, и чудами иными...
 Не верь и дальше пой, пиши упорно,
 И крыльями маши, ветрам покорна.
 Ты не хозяйка над своей судьбою,
 А он повсюду рядышком с тобою.
 Избрав свой путь, приняв от Бога лиру,
 Страшись безверья, не ропщи напрасно,
 Простосердечной будь, и станет ясно,
 Ты есть на свете иль приснилась миру».
 Прости за слёзы редкие, скупые,
 Прости меня за всю, за всю Россию.
 За не растопленные словом льды,
 За тяжкое предчувствие беды,
 За то, что жизнь и смерть – всё – благодать!
 Кроме тебя, об этом некому сказать.

ОТКРОВЕНИЕ

Засыпаю на левом боку – просыпаюсь на правом.
 Мне не всякое лыко в строку, мне не надобно славы.
 Я мечтаю увидеть Москву в подвенечном наряде.
 В Петербурге несносном живу, но умру в Петрограде.
 Мне в ответ тихий ангел шепнул:
 «Смерти – подлинно нету!
 Проживи, как судьбу, всю страну –
 прокричи о ней свету!
 Пронеси её сквозь времена, сохрани её в святцах –
 Не престанут о ней племена, что ни день,
 удивляться.
 И пускай погружается мир –
 глас трубы всех разбудит,
 Рухнет окровавленный кумир – и объявятся люди,
 На руинах мечты восхотят, без учебника злого,
 Наконец-то прочесть и понять
 правду русского слова».

НАТАЛЬЯ СОВЕТНАЯ

СТИХИИ

Застывшим солнцем в капельках смолы
Волна морская, берег окропляя,
Явила связь стихий с небесным краем
Застывшим солнцем в капельках смолы!

В янтарный одуванчиковый май
Весна, цветущим светом озаряя,
Плеснула нам Божественного Рая:
Янтарный одуванчиковый май...

В медово-яблочный созревший Спас,
Плоды земные в храме освящая,
Омыла благостью вода святая
Медово-яблочный созревший Спас.

Лампадка осени – светильник-лес,
Огнём купинным землю согревая,
Рассыпал листья – радость даровая! –
Лампадка осени – светильник-лес.

Надеждой тёплой в искорках снегов
Крещенский день, просторы осеняя,
Благословил союз зимы и мая –
Надеждой тёплой в искорках снегов.

Воскресшим Солнцем в пламени сердец
Любовь людская, мир от зла спасая,
Связала Край земной да с Небокраем
Воскресшим Солнцем в пламени сердец!

ВОСКРЕШЕНИЕ

Мне видится из будущего час –
Не близкий он и не такой далёкий...
Ноябрь в Москве, с дождём, как и сейчас,
Но влажны от него ль глаза и щёки?

Врата открыты настежь у Кремля –
Идёт, идёт Заступница России!
И Небом вдруг становится земля,
И нет сомнений – Русь врага осилит!

А следом за «Казанской» и Крестом,
Ступает Мир Ликийских Чудотворец,
И русский люд зовёт Царя – отцом!..
И жив народ – в нём умер богоборец!

* * *

Не видел я проклятой той войны.
Так что ж она в мои приходит сны?
Так что ж в меня стреляет автомат?
Об этом слышал только от солдат.
Такое видел только лишь в кино.
Так почему мне снится всё равно?
Кричу сквозь сон:
– Стреляй же, гад, стреляй,
Фашист-палач, собака, полицей!..
И умираю, словно на войне,
Не зная, что всё это снится мне.

* * *

Возьму с собой во все дороги –
Забыть вовеки не смогу –
Июльский дождик босоногий,
Манящей радуги дугу,
Рассвет сияюще-лучистый,
Тропу в серебряной росе.
Они – как песня об Отчизне,
Ее божественной красе.
Я с ней – от вечера до зорьки,
Я с ней – от зорьки до темна.
Она – и грусти привкус горький,
Она – и радость, и вина.

(Перевод с белорусского Андрея Тявловского)

РОДИНЕ

Не то чтобы нас пригласили –
Скорее наоборот.
Но мы приезжаем в Россию
Из всех суверенных широт.
Нам стало вдали одиноко
И сделалась участь горька –
И с Запада, и с Востока
Течёт человечья река.
Над мыслями нашими властвуй,
Пришли мы к тебе налегке.
Как сладко сказать тебе: Здравствуй! –
На русском своём языке.

* * *

Империя не может умереть!
Я знаю, что душа не умирает.
Империя – от края и до края –
Живёт и усечённая на треть.
Она живёт в балтийских янтарях,
Она живёт в курильских водопадах,
Она – и Севастополь, и «Варяг»,
Она во всём, что мне от жизни надо.
Оплаканы и воля, и покой,
И счастье непокорного народа...
Имперская печаль – иного рода,
Она созвучна с пушкинской строкой.
Она клеветникам наперекор
Глядит на мир влюблёнными глазами,
Она не выставляет на позор
Оплаченное кровью и слезами.
Пусть звякнет цепь! Пусть снова свистнет плетё
Над теми, кто противится природе!
Имперский дух неистребим в народе –
Империя не может умереть!

НАЧАЛО

Я помню: стены «свеже побелёны»,
а за окном – заря листвы зелёной,
восторженно замеченная детством.
И чьи-то руки смугло солнцем пахли,
когда внезапно к небу приподняли –
и разлетелись вширь степные дали –
как дивно мир в пространство был распахнут!
И с тех мгновений, обретая силу,
я вырастал – не по часам и дням,
а по лесам, по рекам и полям,
перераставшим для меня –
в Россию...

ИЗ НЕЗАКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ
«НЕТЛЕННАЯ ОПОРА»

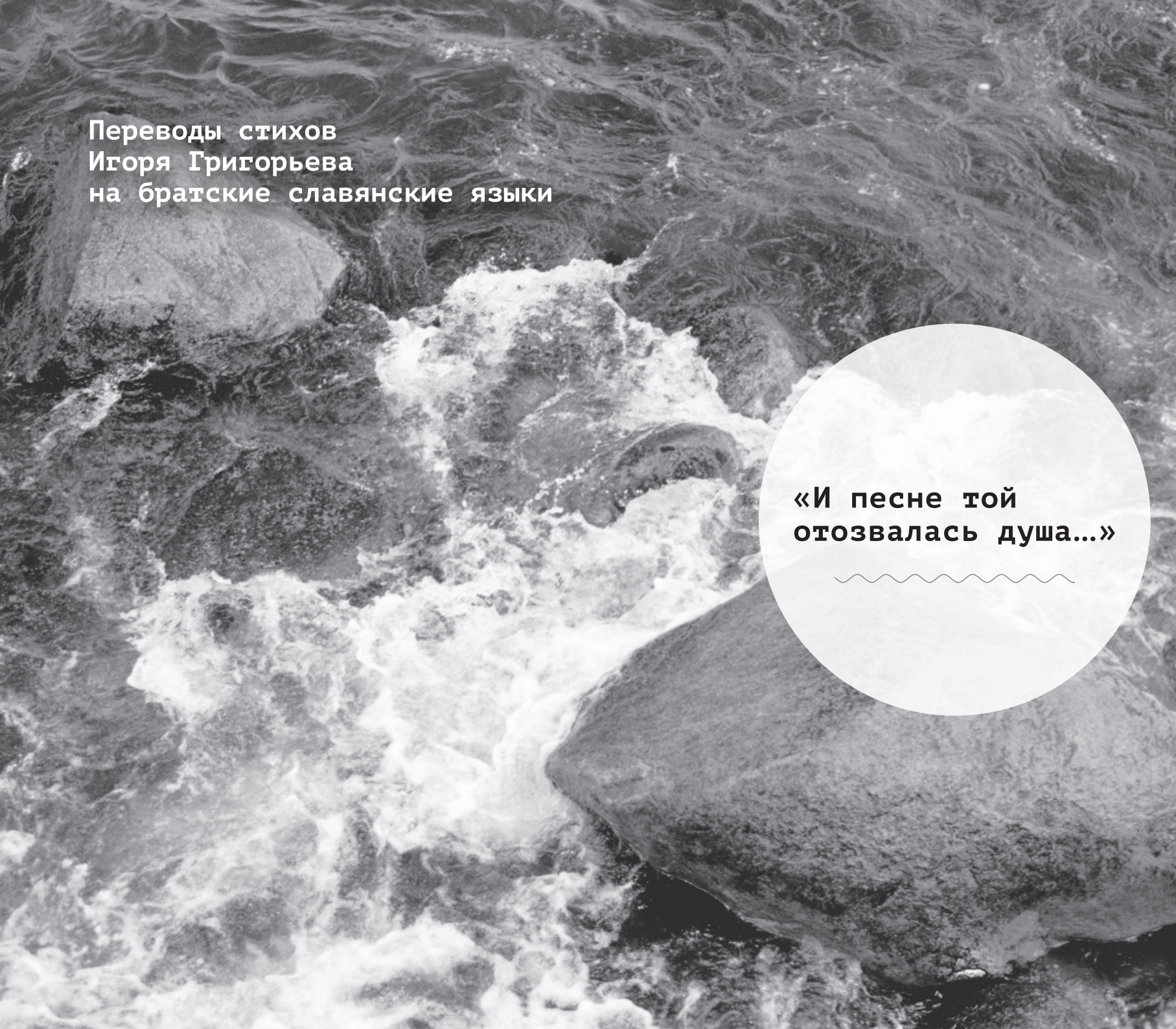
Страны моей начало – Русь Святая,
сияет высоко и сокровенно
в пределах тонких Божьего эфира, –
служить ей до скончания веков
нетленною опорой для мира.
Пока ещё порывы духа в силе,
пока ещё жива Земля планета,
дано, пронзая тьму, сиять РОССИИ,
как Солнцу, –
до последней
капли
света!

98

У ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПЛАТФОРМЫ
«21-й КИЛОМЕТР»

И здесь преуспели дантесы под грохот
 блокадной пурги.
Стучат по ступеням Лицея фашистские сапоги.
Пришли поклониться поэту? Да что ты!
 Скорей, скорей
На север фашистские танки стремятся,
 и боль всё острее.
И боль всё острее и острее...
 Но жребий свершился уже!
Советские батареи на пушкинском рубеже
Стоят героически твёрдо – уйти невозможно никак!
Так Пушкиным был остановлен
 под Ленинградом враг.
Сегодня ты видишь все зорче –
 у Пушкина пушки стоят
Те самые, что защищали в боях здесь
 родной Ленинград.
Но думал ли ты, отчего же здесь
 линия фронта легла?
Враг в Купчино мог бы пробиться –
 не вышло: силёнка мала.
Но в чём же тут первопричина? Ведь в Пулкове
 был он уже!
Но мог ли он быть не задержан
 на пушкинском рубеже?
Ведь насмерть стоявшие чётко здесь видели
 пушкинский взгляд:
Не быть на Дворцовой фашистам! Ни шагу!
 Ни шагу назад!!

99



Переводы стихов
Игоря Григорьева
на братские славянские языки

«И песне той
отозвалась душа...»



ПЕРЕВОД

* * *

Алене Марозкінай

Ці то позна, ці то рана
Лес і возера заціхлі,
Не прачнуліся, магчыма,
Пад аховай цішыні?

Ні вятрынкi, ні туману,
А былі б – для нас бы зніклі.
Мы знайшліся! Нас вачыма
Зоркі лашчаць з вышыні.

Сочыцца святлом дасвеце,
Знішчыць цемру каб дазвання,
Пасвятлела крыху глеба,
Зоры шлюць натхнёна кроз.

Словы што! Іх многа ў свеце!
Не наслухацца маўчання!
Мы знайшліся – і прад небам
Не хаваем шчасця слёз.

НЕЧАКАНЫ ВЕЧАР

Антаніне Абрасімавай

Суцішылася гулка разлука,
І захад доўгі густа дагарэў,
Касцы дамоў з раскінутага луга
Вяртаюцца пад конікавы спеў.

Празрыстае сутонне стала волкім,
Ахутала зямлю. І ноч ідзе.
Хтось заспяваў, запахлі церпка зёлкі,
Душа, азваўшыся, увесь вядзе.

Азвалася, раскрылася маўкліва –
Самому нават не ўгадаць сябе,
І, як у маладосці, мне шчасліва,
А ўсё нібыта ў нейкай варажбе.

І любя жыць, і боязна ад волі,
А гэта ноч – як нечаканы рай.

Галины Загурской

* * *

Елене Морозкиной

Было поздно или рано,
Лес и озеро затихли.
Или, может, не проснулись,
Нежась в ласке голубой?

Ни ветринки, ни тумана,
Да и есть они — до них ли?
Мы нашлись, к себе вернулись:
Ты да я, да мы с тобой.

Светом сумерки сочатся,
Будто вишня великанья,
До земли прогнулось небо
От больших и спелых звёзд.

Что слова? Не намолчатся!
Не наслушаться молчанья!
Мы нашлись — и, глядя в небо,
Не скрываем наших слёз.

НЕЖДАННЫЙ ВЕЧЕР

Антонине Абросимовой

Угомонилась гулка разлука,
Густой и долгий догорел закат.
И косари с распаханного луга
Неторопливо по домам спешат.

Прозрачный сумрак ласково и влажно
Окутывает землю, ночь верша.
И кто-то в полусне запел протяжно,
И песне той отозвалась душа;

Отозвалась, раскрылась, всколыхнулась –
И самому не угадать себя:
Как будто снова младость возвратилась
И в грудь вошла, теплынью прознобя.

И любо жить, и боязно от воли,
И песня в полусне, и ширь во ржи.

Здалося мне, што жыта шэпча ў полі:
«Любі і спадзявайся. І чакай».

СПАТКАННЕ

Ў такой задумлівай начы,
У час чаканага спаткання
Вы не сумуйце, дзеркачы,
Няма пакуль што завядання.

Ноч поўна шэптавых размоў.
Святкуй, высокая раўніна:
Бо не ілжэ твая любоў
І плоць без вопраткі нявінна.

І вусны нашы без граху
У дотыку іх баязлівым,
А зорка, сеўшы на страху,
Адна міргае нам маўкліва.

І не азмрочыць воч азёр
Яна напружаным дрыжаннем.
Імкнецца цішыня да зор,
Вянчае нас касмічным ззяннем.

Ні гаравання, ні бяды
У гэтай ласцы непадманнай.
Святло пакіне на гады
Чысцюткі квет з расой мядзвянай.

И, кажется, немое шепчет поле:
Дыши, люби, надейся. И сверши!

СВИДАНИЕ

В такой большой, в такой ночи,
В миг долгожданного свиданья,
Вы пойте, пойте, дергачи, –
Ни мрака нет, ни увяданья.

Греми, немая благодать,
Ликуй, высокая равнина:
Твоя любовь не знает лгать –
Нагая плоть, как вдох, невинна.

Безгрешны спелые уста
В прикосновенье оробелом,
Мерцай, печальная звезда,
Всего одна на небе целом.

Очей озёр не омрачишь
Своей космическою дрожью.
Плещись, гуляй, вещунья-тишь;
Венчай, камыш, зарницу с рожью.

Ни горевания, ни бед
У этой ласки безобманной.
Есть только радость, только свет
Да чистый цвет в росе медвяной.

БЕЛАРУСЬ

Васілю Захараву

Гэта так ці не так, ды спрадвеку чамусь
 Усе кажуць, як быццам ты Белая Русь.
 Ды сваёй дабрынёю, галуба,
 Ты сагрэла Русі адналюба,
 Адарыла душэўнай казною,
 Песняй, бульбай, уцехаў лясною,
 Прыгажуняй бязмежна каханай,
 Прастатою сваёй нечуванай.
 І адкрыла чало векавое:
 Ні спакою, ні слёз – ракавое.

* * *

Гуляюць цені на гары.
 Ніжэй рака пая.
 Лаўлю я рыбу на зары,
 А рыба не клюе.

Грыша Грыгор'еў

Ужо зара крыві згубіла шмат.
 У прыцёмках і поўначы, і поўдні.
 Заказы не прымае лістапад.
 Прымай усё і аб вірухах помні.

Прымай і не ўздыхай. І з тым ступай.
 Ідзі, хоць і далёка да начлегу.
 І хоць, магчыма, толькі дзень да снегу,
 Ідзі сабе і цяжка не ўздыхай.

Пустыя страсці з плеч сваіх страсі
 І мерай вёрсты крокамі цяпер.
 Дабро і вернасць у грудзях нясі
 І ў тое, што да мэты дойдзеш, вер.

Хай завірухі лютыя шалеюць.
 Ты іх не бойся – і ў паход гайда!
 Бо завірухі – весняная вада.
 Яны часовыя, яны хварэюць.

БЕЛАРУСЬ

Василию Захарову

Говорят про тебя, что ты – Белая Русь.
 Так ли, нет ли – судить не берусь.
 Но тобой причастился, голуба,
 И зажгла ты Руси однолюба,
 Одарив неразменной казною –
 Жаркой «бульбой», утехой лесною,
 Пригожуньей моею жадобной,
 Простотою твоей бесподобной;
 Приоткрыла лицо вековое:
 Ни покоя, ни слёз – роковое.

* * *

Гуляют тени на горе,
 Внизу река поет.
 Я уж рыбу на заре,
 А рыба не клюет.

Гриша Григорьев

Ненастье обескровило зарю:
 Всё – сутемь. Ни полночи, ни полдня.
 Погоду не закажешь ноябрю –
 Бери, какая есть, о вьюгах помня.

Бери и не вздыхай. И с тем иди.
 Иди, да знай: далёко до ночлега,
 И, может, только день всего до снега.
 И вздохи – груз увесистый в пути.

Пустые страсти ветром отряхай,
 Себя и версты мерь пройденной мерой.
 Тревожься, негодуй, но не вздыхай.
 Иди себе и, что дойдешь, уверуй.

Пусть вьюгам – вьюжье: снежная страда,
 Хмельные вопли, холода шальные, –
 Они лишь до поры: они больные.
 Ведь вьюги что? – весенняя вода.

ЛІСТАПАД

Як сцюжна і як шэра на зямлі.
Нямой няласкай восень апантана.
І мокры снег, як попел той з вулкана,
І днём, і ноччу ў шэрані палі.
Як сцюжна і як шэра на зямлі.

Заган і бед шмат у маіх краях.
Пужлівыя і маладыя вербы.
Паслухаць пошчак салаўя цяпер бы,
Ды марыць позна ўжо аб салаўях.
Заган і бед шмат у маіх краях.

Хоць сумна, перадзім'ю ўсё адно,
Ці секчы, ці паліць палі пустыя.
Разлука, цемрадзь, горыч, летаргія.
Прасторы, як закрытае акно,
Ды першаму марозу ўсё адно.

Ты іншую лепш песню заспявай.
Дум нелагодных утаймуй парыў.
Сноп весніх слоў спалі ў кастры напева.

Палі і не шкадуй. Яны не дрэва.
Яны ўваскрэснуць, толькі б не астыў
Ад прымаразкаў першых іх матыў.

* * *

Дзіне Грыгор'евай

Дзённыя астылі страці.
Заціхае лог.
Месяц, як чужое шчасце,
Выплыў з-за аблок.

Сыпле з берага крутога
Ў завадзь пятакі.
Побач сэрца дарагога
Гучныя штуршкі.

НОЯБРЬ

Как стыло и как сиро на земле,
Как немо и неласково в природе:
И мокрый снег – седого пепла вроде.
И день, и ночь, и даль светла – во мгле.
Как стыло и как сиро на земле!

Большой изъян сквозит в моих краях:
Пугливые молоденькие ивки,
И эхо, и ручьи, и зорь обрывки
Устали помышлять о соловьях.
Большой изъян сквозит в моих краях.

Предзимью сожаленье не дано:
Оно сечет и жжёт поля нагие.
Разлука, сутемь, горечь – летаргия,
Просторы, как закрытое окно.
Предзимью сожаленье не дано.

Но ты иную песню заведи:
Что толку от рыдалистой отходной –
Холодной, непогодной, безысходной,
Которую заладили дожди.
А ты иную песню заведи.

В самом себе ненастье укротив.
Сноп вешних слов спали в костре напева –
Жги, не жалей их: словеса не древа,
Они воспрянут, песню осветив.
Сжигай слова, чтоб не остыл мотив!

* * *

Дине Григорьевой

Улеглись дневные страсти,
Кроток буйный лог.
Месяц, будто чьё-то счастье,
Ясен и высок.

Сыплет, щедро и лилово,
В воду пятакі.
Рядом сердца дорогого
Гулкие толчки.

Ад пазна да новай рані
Міласэрны час –
Дзённыя залечваць раны
Ноч прымусіць нас.

А зямлі ажно да ранку
Стоена чакаць,
Калі зноў зара заранку
Змусіць заспяваць.

Да світання, да разлукі
Месяцу гарэць
І сваёй каханай рукі
Мне дыханнем гарэць.

* * *

Святлане Молевай

Зара, зараначка, зарушка,
Чырвонакрылы небакрай.
Мая журботная жар-птушка,
Не адгавай, не адлятай.

Як мне адлюстраваць сутонне?
Хачу спяваць, а ў горле ком.
Мой голас ціхі, ломкі сёння,
Ды я заплакаў над радком.

* * *

Між днём і ноччу меж няма.
Заход – світанне, поўдзень – цьма.
Дождж, завіруха, пекла, стынь –
Прасветлы свет, жывая сінь.
А горыч восеньскіх разлук
Вяснее з поціскамі рук.
Той шлях, што не зарос травой,
Злучае ганкі два з сабой.
Журба і радасць – дзве сястры,
Людскія яркія кастры.
Прыпеўку або гімн ўзяць,
Раз ёсць душа, дык песней зваць.
Лісты ў наступныя вякі.
Радзіма ёсць у нас. Яна,
А быль і казка – сваякі,
Як і зямная вось, адна.

От поздна до новой рани
Милосердный час –
Врачевать дневные раны
И не прятать глаз.

Полусонно, перевозданно
Ждать зари земле.
Петь зорянке неустанно
В робкой полумгле.

Не туманясь о разлуке,
Месяцу гореть.
И твои лебяжьи руки
Мне дыханьем греют.

* * *

Светлане Молевой

Заря, заряна, заряница,
Червоннокрылый небокрай,
Моя печальная жар-птица,
Не ултай, не догорай.

Еще не выразить потёмок,
Не молвить свистов за рекой –
Пока мой голос тих и ломок,
Но я заплакал над строкой.

* * *

У дня и ночи граней нет:
Рассвет – закат, закат – рассвет.
Гроза и вьюга, зной и стынь –
Пресветлый мир, живая синь.
В осенней горечи разлук
Веснеет вновь пожатие рук.
Дорога, будь хоть без конца,
Соединяет два крыльца.
Печаль и радость – две сестры,
Людские жаркие костры.
Высокий гимн, частушку ль взять,
Коль в них душа, всё песней звать.
И сказка с былью – близнецы,
Завет, в грядущее гонцы.
На всех одна земная ось.
Лишь родина с чужбиной – врозь.

ЛІСТ КАХАНАЙ

Спяваеш песні новыя цяпер,
Па-новаму смяешся і сумуеш.
Ты ў горадзе між модніц каралюеш,
А я ўсё тут, такі ж, як быў, павер.

Ару ды сею, з мужыкамі п'ю,
Зусім адвык ад гарадскога быту.
Мінулых дзён прыгадваю брую –
Тых светлых дзён, што просяцца з нябыту.

У нас – дай Бог! Не млявіць гарачынь,
Праз тыдзень-два – лясы завераснёвляць.
Для новых вершаў шмат ужо прычын,
Ды што табе акрыленая споведзь!

А я сябе дык вершамі б лячыў!..
Чакаю ці то грошай, ці то славы.
Мне кажаш ты: «Пегас не па плячы»,
Што дурань я, нібыта бот дзіравы...

Кажы, што хочаш. Бог жа не глухі.
Ты любіш жыць надзейна, я – надзеяй.
Душу суцеш ты прозай мяккацелаі –
У нас з табою розныя шляхі.

Па мне, павер, зарана шчэ тужыць,
Пакуль святло з-за хмар так вольна льецца.
Я не адзін, мне ёсць што пець, кім жыць:
Каханая – каханай застаецца.

* * *

Песня сонца над пракосамі
Разліваецца званчэй.
І вярба зеленакосая
Так і просіцца ў ручэй.

Маладыя рукі звесіла,
Нібы Ева у раі.
Ручаю бяжыцца весела
Ў паўнаводныя краі.

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Ты нынче песни новые поёшь,
По-новому смеёшься и горюешь –
Ты городу красу свою даруешь.
А я всё тут, всё на себя похож.

Пашу и сею, с мужиками пью
(И хоть бы что без городского быта),
Тревожу совесть – страшную судью,
Припоминаю то, что позабыто.

У нас – дыши! Уж не томит жара,
И желтизною сентябрит из леса –
Приходит стихотворная пора,
Да это всё тебе без интереса.

А я всё виршами себя лечу,
Жду славу, всё надеюсь заработать.
Ты хмуришься: «Пегас не по плечу»,
Ты гневаешься: «Свой кусает локоть».

Считай, как можешь. Каждому своё:
Ты любишь жить надёжно, я – надеждой.
Спокойной прозой душеньку утешь ты –
Не мне судить твоё житьё-бытьё.

Я не собьюсь с дороги, не тужи,
Не прокляну затученное солнце,
Я не один, мне есть что петь, кем жить:
Любимая – любимой остаётся.

* * *

Не смолкает над покосами
Сказка солнечных лучей.
И лоза зеленокосая
Запрокинулась в ручей.

Молодые руки свесила,
Жаркой жажды не тая.
И ручью бежит весело
В полноводные края.

Травы чэрвеньскія туляцца
І віюцца каля ног,
І кувае ім зязюліца
Сто гадоў і сто трывог.

ПЕРШАЕ КАХАННЕ

На то она и первая любовь,
Чтобы за нею вслед пришла вторая.
Ю. Г.

А каханне першае –
Адно.
Яркае,
Высокае яно,
Нібы ў цемры месяц залаты:
Сам сябе не бачыць –
Бачыш ты.
Шчодрое і добрае
Яно,
Нібы чарадзейнае віно.
А калі камусь не да віна,
То, паверце, не яго віна.
Ад яго – выток тваіх дарог,
Без яго – сканчэнне ўсіх трывог.
Бо каханне першае –
адно.
Помніце:
Апошняе яно.

114

* * *

Мой бедны яр, мой ціхі лес
За цемры зломам
Не стануць, як бы я не змерз,
Халодным домам.
І хоць лістоў змяло красу –
Адгаманілі, –
Травы зялёна-светлы сум
Як выклік ліўням.

Свет-июнь расцветьем плещется,
Люб-травы поёт у ног,
И сулит зегзица вещая
Им сто лет и сто тревог.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

На то она и первая любовь,
Чтобы за нею вслед пришла вторая.
Ю. Г.

Первая любовь
У всех
одна.
Ясная,
Высокая она,
Как в потёмках полная луна:
Лишь себя не видит –
Всем видна.
Щедрая и добрая,
Она
Жара животворного полна.
А что зябким душам не дана,
В этом вовсе не её вина.
От неё – начало всех дорог,
Без неё – кончина всех тревог.
Первая любовь
всего одна.
Помните:
Последняя она.

115

* * *

Мой бедный лог, осенний лог
За тьмы изломом
Не будет, как бы ни продрог,
Холодным домом.
И что с того, что ни листка
Над гребнем сизым:
Травы зелёная тоска –
Ненастью вызов!

Ніколі мне (хоць і бяда
Нагоніць буру),
Не стане стылая вада
Гадзючай скурай.
Няхай балота на вятрах
Шыпіць, віецца,
Калі не ў рань – па вечарах
Зара пральецца.
І пацяплеюць халады,
І растуманіць.
І той бяды, і той бяды,
Што сябра зманіць.

ЛІСТАБОЙ

Бывае так: гарачым летам
З бярозы жоўты ліст спадзе –
І неяк стане беспрасветна,
Нібы даверышся жудзе.
Туман – гусцей, у хмарах неба,
І спяхмурнелі чараты...
І стыне ціш, нібыта глеба, –
Ўсё адчуваеш скурай ты.
Пачуеш: тонкая асіна
Лясны разгойдвае спакой,
Ступае змрочнаю нізінай
Суровы вецер-лістабой.
Убачыш: птушка табуніцца,
Вада люстравіць глыбінёй...
І ўміг трывога заімжыцца
Ў душы расхрыстанай тваёй.
І зразумееш: не да жартаў,
Як час імчыць-бяжыць-ляціць:
Не пашкадуе – і не мар ты.
Бо ён паўсюль! Бо ён глядзіць!

Я ІДУ

Я іду цераз пракосы
Нацянькі.

Юрыю Паркаеву

Мне нікогда, мне нікогда
В час непогожий
Не станет стылая вода
Змеиной кожей.
Пускай всё плёсо на ветру
Шипит и вьётся.
Но ввечеру или поутру
Заря прольётся.
И потеплеют холода,
И тихо станет.
И хорошо, а не беда,
Коль друг обманет.

ЛИСТОБОЙ

Бывает так: июлем знойным
Берёза сронит жёлтый лист –
И сразу станешь беспокойным,
И ясный день не так лучист;
Весомей дымка, небо строже,
Задумчивей шатун-камыш.
И ощутишь на жаркой коже,
Как выстывает в чаще тишь.
Услышишь: кроткая осина
Бросает в дрожь приют рябой;
Крадётся следом образина –
Угрюмый ветер-листобой.
Увидишь: табунятся птицы,
Вода стеклянней – глубь видна.
И сожаленье угнездится
В душе, распахнутой до дна.
И хлынет жар от сердца к горлу:
«Хоть лист, хоть царь – один вокзал...»
И в полдень врежешься, как в гору,
И спросит Совесть: «Не узнал?»

Я ИДУ

Я иду через покосы
Прямым,

Юрию Паркаеву

Я іду, проставалосы,
Гаманкі.

А вакол мяне найблізкая
Радня:
Вішні пацеркамі бліскаюць
Штодня.

А над студняй – даўгавязы
Журавель.
Ля дарогі дрэмлюць вязы,
Пахне хмель.

Ранак сыпле сонца іскры
На ваду...
Той бяды, што шлях няблізкі, –
Я іду!

ВІШАНЬКА

Святлане Молевой

Траўнем цёплым зусім не сагрэтая?
Без вясельнай, без белай фаты?
Што сумуеш ты, вішанька ветляя,
Што ў самоце сумелася ты?

А сяброўкі твае белаквецца
І трымцяць-шамацияць на зары.
Ты адна палымнееш нявесела,
Быццам белы пажар на гары.

Ўсё жадаеш ты ветру цяплейшага,
Сум з-пад броваў ліецца-бяжыць.
Мо чакаеш каго нетутэйшага?
Сухаваю не можаш забыць?

Добра ведаю: мне не даверышся
І сваю не падорыш красу.
Ды люблю ля высокага берага
Ў чыстым полі выліць свой сум!

Палымнее над дахамі вышнімі
Сумны твар, ды святлее наўгрунь...
На маю ненаглядную Вішаньку
Ты падобнае, дрэўца-гарун.

118

Я иду, простоволосый,
Далеко.

А вокруг меня давнишняя
Родня:
Бусы свешивает вишенник
С плетня.

У дороги дремлют вязы,
Вьётся хмель,
Над колодцем долговязый
Журавель.

Утро искры горстью мечет
На пруду...
Ничего, что мне далече, –
Я иду!

ВИШЕНКА

Светлане Молевой

Маем ласковым горько обижена?
Кипень-платьем не очень бела?
Что же ты загорюнилась, вишенка,
От подружек в сторонку ушла?

Всем им просто цветётся и песенно –
С ветерками шуршат на заре.
Ты одна пламенеешь невесело,
Будто белый пожар на бугре.

Сквознячка не приветила вешнего,
Льётся грусть из-под строгих бровей,
Ждёшь кого-то иного, нездешнего?
Иль не можешь забыть суховой?

Я ведь знаю: ты мне не доверишься,
Не откликнешься сердцем ничуть.
Но люблю у высокого бережка
В чистом пламени жарко взгрустнуть!

Всё горит над забытыми крышами
В несказанной печали лицо...
На мою невозвратную Вишенку
Ты похожа, горюн-деревцо.

119

* * *

Зноў прыйдзе тое, што было,
Што ноччу сніцца:
Паруе жыта. Зацвіло.
Адхон дыміцца.

Мой родны край,
я зноў прыму
Ліпнёвы россып.
І сёння, як сто год таму, –
На зорах росы.

Вароны, галкі на градзе
Крычаць, бы ў пельцы...
Чаму ж не знойдзецца нідзе
Зямлі цяплейшай?

Чаму няўтульныя яны –
Краі чужыя?
А тут –
дажджы і валуны
Нібы живыя.

Тут кожны высахлы пляцень
Спявае з болю...
І тая ж ноч,
І той жа дзень,
І тое ж поле!

* * *

Добры дзень вам, пустыні лясныя,
Шэрай вольхі плакучы разбой!
Прывітанне, палын жаўтакрылы!
Мне ніколькі не горка з табой.

Хоць на выгляд трава не з кватлівых
І не можа прывабіць нічым,
Дык чаму ж так прыемна-шчымліва
Мне заснуць на сяброўскім плячы.

* * *

В который раз одно и то ж,
В который –
Зацветшая дымится рожь
По косоугору?

Родимый край,
в который раз
Июля россыпь?
Сто лет назад,
Вчера,
Сейчас –
На зорях росы.

Всё тот же галочный галдёж
Над придороженьем...
Так почему же не найдёшь
Земли дороже?

Так почему же холодны
Края чужие,
А здесь –
дожди и валуны,
И те живые.

Здесь
каждый высохший плетень
Певуч до боли...
Всё та же речь,
Всё тот же день,
Всё то же поле!

* * *

Дорогие лесные пустыни,
Серой ольхи плакучий разбой.
Здравствуй, робкая былка полыни!
Мне несколько не больно с тобой.

Неказиста трава, неприглядна,
Худосочна – и что там ещё?
Мне надёжно с тобой и отрадно
Опереться на дружье плечо.

І ні крыўды на сэрцы, ні болю,
А святло – ад зямлі да нябёс.
Мы даўно не страчаліся, Поле,
Не гукаліся, Лес мой – мой лёс!

Ты дубы санцакрылыя промніш,
Мкнешся ў неба – свой высіш парыў.
Ты мяне паняволі не помніш,
Я па волі цябе не забыў.

Будзе ўсякае – радасць і гора –
Ў нашых лёсах, такіх гаравых.
Нас прагоняць, яшчэ й абгавораць,
Нас адрынуць ад зор заравых.

Нас забудуць, закінуць, згундосяць,
Нас бязлітасным спаляць агнём
І жалезнай сякераю скосяць...
Толькі мы ўсё адно не памром.

Як бы хто ні глуміў азвярэла,
Ні імкнуўся нас брудам абліць, –
Карані нашы ў глебе зрыжэлай
Ніякому агню не спаліць.

Мы даўно не страчаліся, Поле,
Не гукаліся, Лес мой – мой лёс!
Ані крыўды на сэрцы, ні болю,
А святло – ад зямлі да нябёс.

Ни тревоги на сердце, ни боли,
Только свет – от земли до небес.
Как давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!

Ты дубы на полянах огромнишь,
Рвёшься к зорям, орёл крутокрыл!
Ты меня поневоле не помнишь,
Я по воле тебя не забыл.

Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых:
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых.

Нас ещё позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнём
И железной секирою скосят...
Только мы всё равно не умрём.

Хоть чего напридумай-наделай,
Хоть грози извести на корню –
Наши корни в земле порыжелой
Не унять никакому огню.

Так давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!
Ни тревоги на сердце, ни боли,
Только свет – от земли до небес.

ПЕРАД ДАРОГАЙ

Гані тугу з вачэй. Наперадзе растанне,
Ды прабягуць імклівыя гады,
І ўжо бяда трымаць мяне не стане.
Вярнуся я. Але скажы, куды.

А фальш бадзёрых слоў тут сёння не да месца,
Бо ў іх разгубленасць, у іх нябачны плач.
Кахай мяне, каб быў на варце сэрцам.
Вярнуся. Толькі тэрмін мне прызнач.

Не трэба дакараць. Не хочацца скарыцца.
Завейны шлях мой роўным не назваць.
Шануй сябе, не вер, што ты ўдавіца.
Вярнуся. Толькі як цябе пазнаць.

Вярнуся. Ды прашу: выконвай абяцанне,
Калі пайду туды, дзе Вечны бой.
А ў гэту ноч, што поўніцца растаннем,
Даў волю сэрцу. Я яшчэ з табой.

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Не надо горьких глаз, не надо тихой грусти;
Пройдут года, и, ждать устав, беда
Меня разлюбит и к тебе отпустит.
И я вернусь. Но ты скажи, куда.

Не надо бодрых слов – и в них тоска все та же:
Растерянность, испуг, незримый плач.
Люби меня, чтоб сердцем был на страже.
И я вернусь. Но ты мне срок назначь.

Не надо укорять, и ни к чему кориться –
Метельный путь мой без того не гладь.
Храни себя, не верь, что ты вдовица.
И я вернусь. Но как тебя узнать?

Вернусь! Лишь свой обет, любимая, исполни,
Когда уйду туда, где Вечный бой.
А этой ночью, расставаньем полной,
Дай волю сердцу. Я еще с тобой.

ПЕРЕВОД

ТАЙГА

На дъщеря ми Елена

Както зима да се мята
и виелици да сбира,
идва пролет и в тайгата:
шири се студът и спира!
Мрак камшиците си свива,
вдън земя нощта остана.
Никъде не съм откривал
толкоз светлина събрана.
Сняг се свлича от балкана,
в палав разлив ще пребъде.
В козите пътечки само
се тревожи лед оскъден.
Камък ветровит препича
голо теме с ярко слънце.
Горската рекичка тича,
смее се и пее звънко.
Сокове кора напъват,
лебед вика в долината,
дебри дремещи сънуват
гръм с порой в зеленината;
рожбите в съня им всички
свободолюбиво крачат –
мечки, извори, козички...
Без прииждащи секачи.

КРАСИМИРА ГЕОРГИЕВА

ТАЙГА

Елене, дъщерю

Как зима ни верховодит,
Сколь пуржища ни зубаста –
И в тайгу весна приходит:
Покусал мороз, и баста!
Отсвистели стыней плети,
Панихида ночи спета.
Ни в одном краю на свете
Не встречал я столько света.
Оползает снег на сопках,
И палы разлив полощет.
На крутых козельих тропках
Смутно лёд синее тощий.
Ветром выглаженный камень
Греет лысину на солнце.
Забегала речка в рамень –
Заливается-смеётся.
Тянет бражной соковицей,
Кличут лебеди в долине,
И дремучим дебрям снится
Цветъ да зелень, гром да ливень;
Им, как мамкам, снятся дети,
Пополнение вольнолюбов –
Колонки, козлы, медведи...
Без заморских лесорубов.

ПЕРЕВОД

Ольги Сафроновой

ПЕРЕД ДОРОГОЮ

Не засмути очей, хай мине час розпусти.
Роки майнуть... Звільнюся від біди –
Вона не дочекається, відпустить.
Я повернусь. Перекажи куди.

Бадьорих годі слів – не зрушать огорожу,
Де відчай загустів патьоками смоли.
Допоможи кохати. Як я кохати зможу,
То повернусь. Признач лише: коли?

Не докоряй мені, а також не корися.
Крізь завірюху знов по коліях блукать.
Тримайся, і не вір, що ти вдовиця.
Я повернусь. Чи зможу упізнати?

Я повернусь. Чекай. Обітницю виповнюй,
Коли піду туди, де Споконвічний бій.
Хоч наша ніч вже розставанням повна –
Дай волю серцю. Я ще тут. Я твій.

* * *

Спаде на думку раптом:
Існуєш... не живеш.
З поклоном, геть із хати
У білий світ підеш.

Підхопить попід боки
У темряві зима,
А за чотири кроки –
І сліду вже нема.

Де світла біла хата?
Дме завірюха зла,
Не хоче навіть знати
Про залишки тепла.

Приречені до страти
Підуть у небуття...
Підеш і ти. До хати
Немає вороття.

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Не надо горьких глаз, не надо тихой грусти;
Пройдут года, и, ждать устав, беда
Меня разлюбит и к тебе отпустит.
И я вернусь. Но ты скажи, куда.

Не надо бодрых слов – и в них тоска все та же:
Растерянность, испуг, незримый плач.
Люби меня, чтоб сердцем был на страже.
И я вернусь. Но ты мне срок назначь.

Не надо укорять, и ни к чему кориться –
Метельный путь мой без того не гладь.
Храни себя, не верь, что ты вдовица.
И я вернусь. Но как тебя узнать?

Вернусь! Лишь свой обет, любимая, исполни,
Когда уйду туда, где Вечный бой.
А этой ночью, расставаньем полной,
Дай волю сердцу. Я еще с тобой.

* * *

Живёшь... и вдруг увидишь:
Тебя здесь больше нет.
Поклонишься. И выйдешь
Из дома в белый свет.

За дверью – море мрака,
Метельная беда.
Пройдёшь четыре шага,
А сзади – ни следа.

Зиме какое дело,
Что всё твоё тепло
Осталось в хате белой.
Зима гуляет зло.

Ни звать, ни знать не надо,
Кто прав, кто виноват –
Ведь нет тебе возврата,
Дороги нет назад.

Скажені завірюхи,
Сичать, віщують смерть...
Дім тягне в скруті руки
До вигнаного геть.

НЕЧЕКАНИЙ ВЕЧІР

Антонині Абросимовій

Угамувалась річкова закрута,
Згорів у небі жар ясних багать...
І косарів на луці вже не чути,
Неквапно йдуть додому спочивать.

Прозорі сутінки ласкаво обіймають
Вечірню землю. Ллється ніч з ковша...
А на селі співають... Так співають,
Що відгукнулась стомлена душа.

Як відгукнулась! Щиро заспівала.
І якось дивно стало... Наче знов
Я молодий... А пісня дарувала
То спогади, то радість, то любов...

І хороше, і сумно мимоволі.
Буває так, крізь тишу уночі,
Тихесенько мені шепоче поле:
«Ще від життя не викидай ключі!»

* * *

Василію Григор'єву, моєму онуку

Рушай! Розпуття – не розп'яття
І не прокляття.

Душі затьмареній – роздолля
В широкім полі.

І визволенням із полону –
Далекі дзвони.

Хай бездомів'я, втома, втрати –
Рушай завзято!

Добро знайдеш, а може – муки.
Бери у руки!

В седом пожаре вьюги
Кричат зальделым ртом,
Заламывает руки
Тебя прогнавший дом.

НЕЖДАННЫЙ ВЕЧЕР

Антонине Абросимовой

Угомонилась гулкая разлука,
Густой и долгий догорел закат.
И косари с распаханного луга
Неторопливо по домам спешат.

Прозрачный сумрак ласково и влажно
Окутывает землю, ночь верша.
И кто-то в полусне запел протяжно,
И песне той отозвалась душа;

Отозвалась, раскрылась, всколыхнулась –
И самому не угадать себя:
Как будто снова младость возвернулась
И в грудь вошла, теплынью прознобя.

И любо жить, и боязно от воли,
И песня в полусне, и ширь во ржи.
И, кажется, немое шепчет поле:
Дыши, люби, надейся. И сверши!

* * *

Василию Григорьеву, внуку моему

Решись, распутье – не распястье
И не проклятье.

Душе захмаренной – раздолье
В широкополье.

Даль русская не наважденье –
Освобожденье.

Дерзни: бездомье, страх, усталость –
Такая малость.

Добро и зло – за вехой строгой:
Руками трогай!

* * *

Ліс... Нарешті... Які мені милі
Сіромахи вільхи чагарі.
Ось полину билінки похилі...
Наче я у своєму дворі!

Травка ця – непоказна та сива,
Непривабна... Чи що там іще?
А мені так спокійно та мило,
Наче поруч – надійне плече.

І не тисне під серцем від болю –
Тихе світло на весь небокрай...
Радий знов тебе бачити, Поле!
Ліс співучий, гей-гей!.. Зустрічай!

Велетенські дуби – наче варта,
На галявинах... Ген, до зірок!
А мене пам'ятати не варто –
Я за двох пам'ятаю урок.

А ще буде... Що тільки не буде.
Наша доля – гірка, як полин.
Знов, обдурених, ви роком суду
Відокремлять від зоряних днів.

І покотять забутих у прірву,
У безодню з пекельним вогнем...
Гостре лезо сталльної секири
Не минути. А ми – обминем!

132

Обминем, не помітимо страти,
Смерть здолавши, всміхнемося дню.
Бо коріння в землі рудуваті
Не здолати сокирі й вогню.

Радий знов тебе бачити, Поле!
Ліс співучий, гей-гей!.. Зустрічай!
І не тисне під серцем від болю –
Тихе світло на весь небокрай...

ДУША

Знов віршем далечінь-розлука
Покличе: Не сиди – іди!

* * *

Дорогие лесные пустыни,
Серой ольхи плакучий разбой.
Здравствуй, робкая былка полыни!
Мне нисколько не робко с тобой.

Неказиста трава, неприглядна,
Худосочна – и что там еще?
Мне надёжно с тобой и отрадно
Опереться на дружье плечо.

Ни обиды на сердце, ни боли.
Тихий свет – от земли до небес...
Как давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!

Ты дубы на полянах огромнишь,
Рвешься к зорям, орел крутокрыл.
Ты меня поневоле не помнишь,
Я по воле тебя не забыл.

Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых.
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых;

Нас ещё позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнем
И железной секирою скосят...
Только мы все равно не умрем.

Хоть чего натвори-понаделай,
Присудив доконать на корню, –
Наши корни в земле порыжелой
Не унять топором и огнем.

Так давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!
Ни обиды на сердце, ни боли,
Тихий свет – от земли до небес.

133

ДУША

Разлука-даль стихи слагает:
Уйди в зарю из шалаша!

Тобі нести шляхами муку,
Відкрити душу для біди.

Вже й ранок пролетів як пташка,
Джерельце кличе: «Відпочинь!»
Душі дарма, що тілу важко,
Бо квапить, кличе далечінь!

Вже ніч у кошик версти склала,
Від втоми тіло – як тягар.
Душа, хоч теж не спочивала,
Завзято світить, як ліхтар.

Сумління їй дарує сили,
А небо – простору свого.
То – як? «Душа в полоні тіла»?
Хто ще в полоні... у кого...

* * *

Що ти в простоті зробила?
Сумніви... Та все дарма!
Розмахнулась, закрутила –
Вороття мені нема!

Диво-птахом сколихнула,
Сіньокрила, як зоря.
Сміх джерельний повернула
На покинуте рілля.

Наче в храмі: нечекана
Тиха світла висота...
Беззавітне, безобманне
Щастя. Божа простота...

134

ВЕЧІРНЄ

Я іду. Вечір йде... Йде у темряву...
Вечір той – сам-один, я – не сам.
Світла сутінь вздовж луки розстелена,
Так спокійно, просторо очам...

Щось пронизливе, і усміхнене,
І тривожне... живе в глибині.
З серця чуйного – краплями, крихтами,
Вірш просотує, сповнює дні.

И в том пути изнемогает
Моя бездомная душа.

Уже и утро пролетело:
Передохнуть бы у ручья.
Но хоть бы что душе до тела,
Она торопит: даль ничья!

Уже и версты ночь итожит,
И телу бrenному невмочь.
А вот душа изныть не может,
Ей никогда не изнемочь.

Она, как небеса, нетленна,
Ее, как совесть, не унять,
Твердят: «Душа у тела плена»,
Кто у кого в плену – как знать?

* * *

Простодушно удружила,
Все сомненья – трын-трава.
Размахнулась, закружила –
Только кругом голова!

Замелькала пёстрой птицей,
Синекрылою звездой,
Стала кровом и криницей,
Позабытой бороздой.

Храмом, дальним и неожиданным,
Льющим в душу тихий свет,
Беззаветным, безобманным...
Это здесь-то Бога нет?

135

ВЕЧЕРНЕЕ

Я иду. Один. Рядом с вечером.
Вечер – сам по себе, я – не сам.
На пригашенном, на рассвеченом
На лугу – широко глазам.

И пронзительность, и улыбчивость,
И тревога прижилась в них.
И поеживается отзывчивость,
Утекая из сердца в стих.

Роси лину́ть до ніг та хлипають –
Плаче ніч за медовим теплом!
Гучно давні дива кигикають,
Сіють чари м'яким крилом.

То лякають, то знов підманюють,
Кличуть: йди! – не підняти ніг.
І бує межа забур'янена –
Приспів трав, вздовж печалі доріг.

Все однаково: воля... неволя...
Хрест святий та безжальний, ти – син...
В чисте поле – сам із собою –
Знов виходжу: один на один!

* * *

Сутінки лілові лиють
Настій луговий.
Смужка заходу темніє...
Тиші шар густий...

Буйнотрав'я завірюха
Спить собі вночі...
Все когось у плавнях глухо
Кличуть дергачі...

Не поворухнуться сонні
Стигнучі жита...
Що хорониш у долонях,
Сторона свята?

136

ПОЕТИ

Сергею Поликарпову

Ми вітру та вогню поводири
З тривожними розкритими серцями,
Були дітьми, та стали, ось, батьками,
Очікуємо – котрий вік! – Зорі!

Серця палкі готові уночі
Життя промінчик кожен захищати.
Тривогою, як кров'ю, запікатись,
Наче угору кинуті мечі.

Росы в ноги со всхлипом ластятся –
Слезы ночи во сладость дня.
Дивы давние гулко бластятся,
Привораживая меня.

И подстегивая, и пугаячи,
И веля: иди! – и держа.
И гульбит, грустя припеваючи,
Забурьяненная межа.

Воля, каторга ль – все тут кровное,
Крест нещаден и свят – ты сын...
И – с самим собой – в поле ровное
Выхожу: один на один!

* * *

Льют лиловые потёмки
Луговой настой.
От заката – полкаёмки
В тишине густой.

Буйнотравье будто вьюга,
Спящая в ночи.
Не докличутся друг друга
В пойме дергачи.

Не шелохнется спросонка
Спеющая рожь...
Что, родимая сторонка,
Что ты стережешь?

137

ПОЭТЫ

Сергею Поликарпову

Мы ветра и огня поводири
С тревожными раскрытыми сердцами,
Всего лишь дети, ставшие отцами,
Всё ждущие – который век! – зари!

Сердца грозят глухонемой ночи,
За каждый лучик жизни в них – тревога,
И кровью запекаются до срока,
Как воинов подъятые мечи.

Крилаті піснею – вже люди не раби, –
Єдина з нагород для нас від неба!
Окрім всього – нічого нам не треба.
І долі іншої нема. І так – завжди,

Нас не вгамують: ані слави дим,
Рублі... чи диба, чи цикути царська чаша:
Курс – на зорю!
А смерть – безсмертя наше,
Той не Поет, хто душу покривив.

НОЧІВЛЯ

Ось, день догоряє... і лине
Привітно та мирно у сні,
І вітер до ранку спочине
В обіймах стрункої сосни.

Світ ніби домовився щиро,
Що люта біда промине...
Та вибухне ранок в чотири,
Ще вдосвіта він спалахне:

Знов буде свинцем лютувати
У вирі пекельнім вогню,
І ріками крові стікати,
Щоб долю проклясти свою.

А когось надія обмане,
І Зірка когось озорить,
І хтось вже навіки не встане,
А хтось – у вогні не згорить.

То – потім. А зараз триває
Чотири години сповна
Ще тиша... Повіки стуляє
Лісів вікових гущина.

Природа, ми теж твої діти,
І нам бо не гріх прилягти.
Ще довгі роки нам спішити –
Крізь полум'я йти до мети.

То годі вже тут міркувати
Про долю, бо все те дарма.

Взлелеявшие песню, не рабы, –
Единственная из наград награда!
Нам надо всё и ничего не надо.
И так всегда. И нет иной судьбы.

Нас не унять ни дыбой, ни рублём,
Ни славой, ни цикуты царской чашей:
Курс – на зарю!
А смерть – бессмертье наше,
И не Поэт, кто покривит рулём.

НОЧЛЕГ

Так ласково день догоревший,
Так мирно отходит ко сну,
И ветер, как хмель присмиривший,
Прилег до утра под сосну.

И мнится: в доверчивом мире
Ни крови, ни ярости нет.
Но утро взорвётся в четыре,
И дело зажжётся чуть свет.

Свинцом раскалённым подует,
Смирённый тротил хлобыстнет,
Разверстая кровь забедует,
И кто-то судьбу проклянет.

Кого-то надежда обманет,
Кого-то Звезда озарит,
И кто-то вовеки не встанет,
И кто-то в огне не сгорит.

Но это потом. А покуда –
На целых четыре часа –
Покоя предоброе чудо,
Как веки, смежает леса.

Мы тоже ведь чада природы,
Нам тоже не грех прикорннуть.
Еще окаянные годы
Пошлют нас в пылающий путь.

Давайте с тревогой простимся,
Не будем гадать о судьбе,

Ось тиха сосна – наче мати...
Для жалощів часу нема.

І є ще чотири години
До ранку... Війни... та біди.
А до чужини крізь долини,
Півтисячі кроків ходи...

ВИШЕНЬКА

Светлане Молевой

Чи ти травнем ласкавим ображена?
Платтям пишним не біло-біла?
Чом ти, вишенька, чимось уражена,
Від товаришок відійшла?

Їм квітується просто і весело –
З вітерцем шарудять на зорі.
Ти одна – смолоскипом узнєсена,
Ніби білий вогонь на горі.

Знехтувала весняним сіверком,
Ллєш суворий смуток з-під вій.
Чи чекаєш далекого милого?
Мо, пригадаєш суховій?

Не довіриш мені ані шелеста
Крізь мережані квітів вогні...
Знов стою на високому березі –
Линуть думки у давні дні,

140

Де палають забутими барвами
Риси милого серцю лица.
Я тебе, мою Вишеньку, згадую...
Схожа ти до цього деревця.

ОДА

Берізоньки, чи я вас не люблю
За тихе листя, що зігріло ноги!
Підпалював не я, не я і допалю...
Я – безпритульний приятель дороги.

Народжений та взятий у полон
Землею-матір'ю, чия незборна влада,

Под тихой сосной приютимся –
Не время тужить о себе.

В дремоте бугры и ложбины,
Не знают ни зла, ни вины...
Полтыщи шагов до чужбины,
Четыре часа до войны!

ВИШЕНКА

Светлане Молевой

Маєм ласковим горько обижена?
Кипень-платьем не бело-бела?
Что же ты закручинилась, вишенка,
От подружек в сторонку ушла?

Им цветётся и просто, и песенно –
С ветерками шуршат на заре.
Ты одна пламенеешь невесело,
Будто белый пожар на бугре.

Не приветила сиверка вешнего,
Льётся грусть из-под строгих бровей.
Ждёшь кого-то иного, нездешнего?
Иль не можешь забыть суховея?

Я ведь знаю: ты мне не доверишься,
Не раскроешься сердцем ничуть.
Но люблю у высокого бережка
В чистом пламени жарко взгрустнуть!

Всё горит над забытыми крышами
В ненаглядной печали лицо.
На мою невозвратную Вишенку
Ты похоже, горюн-деревцо.

141

ОДА

Берёзоньки, я вас ли не люблю,
Ваш тихий лист, мои угревший ноги!
Не я зажёл его, не я спалю –
Озябший путник на большой дороге.

Рождённый и захваченный землёй,
Её крутой, неодолимой властью,

Я крізь виття імлі – шукаю схрон,
Наосліп, у байдужості розради.

Я приятель, я ваших друг синів,
Що осявали морок полум'яно.
Чи ж любий безпритульним вітровій,
Віщун зими, безжальний цар бур'яну?

Не я – по вітах листобій пройшов –
Лихий коханець, вісник первопуття,
У вашу вбрався кров – багряний шовк,
Та цілував вас жадібно, до люті.

Тягар століття змушений тягти,
Обходжу листя, збите у негоду.
Берізки! Я – весняний понятий,
Складу вам весняну у квітні оду.

БРАТ

Льву Григорьеву

Поле перейти не страшно ничуть,
Если перешел аль убит;
Но зато какую кромешную жуть
Русичу подбитому утро сулит.
Если ни патрона в нагане нет
И нога с ногой не в ладу, –
До чего ж он скор и черен, рассвет,
И светает прямо в беду!

Лев Григорьев

Вибач мені, брате:
Я мовчав. Не плакав.
Смолоскипи хатні ніч зганяли долу.
На броні розкраяній германський вив собака:
Здерши ніс до неба, нарікав на долю.
Жахали гранати, дим скипав клубами,
Та волав свинець у селищі невпинно.
Ти, лицем униз, лежав... Припав губами
До землі... Назовсім... До сухої глини...
Ось вона, війна:
Тобі було сімнадцять...
Ти вже був солдатом... Два роки походу...
Був світанок ясним... без загрози навіть...
Чи тобі не боляче, матінко-природа?

142

Обласканный слепой волчицей-мглой,
Не свой я безучастному ненастью.

Я друг-приятель ваших сыновей,
Сгорая, озаривших мрак бесстрастный.
Идущему – любить ли ветровей,
К зиме самодержавный, да напрасный?

Не я – по веткам листобой прошёл –
Лихой любовник, вестник первопутка,
Одетый в вашу кровь – в багряный шёлк,
Целующий вас яростно и жутко.

А я бреду у века под пятой,
Не попираю сбитых непогодой.
Берёзоньки! Я – вешний понятий,
И к вам приду в апреле с вешней одой.

БРАТ

Льву Григорьеву

Поле перейти не страшно ничуть,
Если перешел аль убит;
Но зато какую кромешную жуть
Русичу подбитому утро сулит.
Если ни патрона в нагане нет
И нога с ногой не в ладу, –
До чего ж он скор и черен, рассвет,
И светает прямо в беду!

Лев Григорьев

Ты меня прости:
Без слёз тебя оплакал.
Умирили избы, ночь горела жарко.
На броне поверженной германская собака,
Вскинув морду в небо, сетовала жалко.
Жахали гранаты, дым кипел клубами,
Голосил свинец в деревне ошалелой.
Ты лежал ничком, припав к земле губами,
Насовсем доверясь глине очерствелой.
Вот она, война:
В свои семнадцать вёсен
Ты уж отсолдатил два кромешных года...
Был рассвет зачем-то ясен и не грозен:
Иль тебе не больно, вещая Природа?

143



А. П. Бесперстых

**Родина в эпитетах
Игоря Григорьева**

словарь

Игорь Григорьев – истинный патриот, не «кисельно-квасной», ему чужд ура-патриотизм: Родину, русскую землю и отчий край он любил самозабвенно, хотя – полермонтовски – «странною любовью». В подтверждение этому – вся его самобытная, по-есенински светлая поэзия.

РОДИНА

Бедная. Солнце, и тучи, и ночи твои, Травы, снега и ручьи – Как соловьи. Я их слышал, родившись едва, Родины *бедной* слова: «Буду жива!» «Поле молитву твердит наизусть...»¹

Великая. Здесь На несчётных твоих большаках Я на своих убедился ногах, Как ты просторна И как *велика*: Словно века! Родина.

Вольная. Нет луга, нет леса, нет речки, нет неба – О, *вольная* Родина-мать! Нет чёрного – самого сладкого – хлеба. (Как смели мы чуда не знать!) Стезя.

Горемаятная. *Горемаятная* родина, Горемаятные мы: На пустых холмах – болотина, На болотине – холмы. «Горемаятная родина...»

Горькая. Весь ласковый мир до зари от заката Поёт, не давая заснуть. И родина, Если б не вдовая хата, Была бы не *горькой*. Ничуть. Июнь.

Добрая. Ширь земная необъятна. Где вы, други-приятели? Завернули бы, ребята, К *доброй* родине-матери! «Берег, тихий и отлогий...»

Живая. См. *Бедная*.

Знакомая. – Что ты? С кем ты, служивый?.. Что, аль родина не *знакома*?.. – Как там наши-то? – Ждали. Живы. – Мать честная, и впрямь я дома! Моё почтение.

Неречистая. Ни злом, ни добром не обойдена, Привыкшая смирно стоять, Моя *неречистая* родина, Неровная гладь-неоглядь. Тихая родина.

Новая. И нет, не найти мне забытья, И *новой* родины не обрести, Всё равно, всё равно когда-нибудь я Постучусь в твою дверь: – Отвори! Впусти! Гора Судомы.

¹ Печатается по изд.: *Бесперстных А. П.* Словарь эпитетов Игоря Григорьева: в 2 т. СПб., 2014. Разрядкой выделены названия цитируемых произведений.

Огромная. – Вся ты, *огромная*, С высью хребтов,
С шумом столиц, С глушью лесов, С далью полей,
С глуби морей, Стала одним: Кровом родным, до-
лей моей. Родина.

Пленённая. Приглашенный объятъем октября,
Ольховый лист сгорает, не горя, – Без жара, без
огня, покорно и темно... Душе, как родине *пленён-
ной*, горевно. В плену.

Пресвятая. Впереди – закат, Позади – бор кос-
мат, Сверху – непогодина, Справа – ропот волн,
Слева – лобный холм: *Пресвятая* родина! Благо-
словенный чёртов путь.

Просторная. См. **Великая.**

Родина-мать. См. **Вольная.**

Солнечная. Захолонуло сердце От горя и боли:
Над *солнечной* родиной Лютая ночь. И сёстры в по-
лоне, И братья в неволе, И горькому горюшку Не-
чем помочь! Во тьме.

Тихая. В названии стихотворения «*Тихая ро-
дина*».

РОССИЯ (РУСЬ)

Безпечная. – На печку влезу – прокалюсь, А то
в квартире с паром-газом Погреешься не всяким
разом... – *Безпечной* стала: стынет Русь... Оби-
тель.

Белая. Говорят про тебя, что ты – *Белая* Русь. Так
ли, нет ли – судить не берусь. Только вся ты, как све-
точ восхода, – Неусыпная дума-забота, Неустанная
служба-работа. *Беларусь*.

Близкая. См. **Желанная.**

Весенняя. Застыну, оттаю над бездною глад-
кой, Поверю в *весеннюю* Русь, Вздохну ненароком,
заплачу украдкой, И вновь над собой засмеюсь.
«Тебя принимая, себя не жалею...»

Горевая. Невольник святого засилья, Люблю,
хоть не знай и не верь, Россия, Россия, Россия, Ка-
кой уже нету теперь. Не сказку-мечту заревую, Что
в сердце до гроба таим, – Мне жаль ее ту, *горевую*,
Нещадную к детям своим. Русский урок.

Долгожданная. День – за полдень. Пахнет Ру-
сью *Долгожданною*. Я иду, задарен грустью Безоб-
манною. В давнем.

Дорогая. Вместо жар-знамён – пожухлые ро-
гожи. А пойдй найди роднее и *дороже* [Руси]!
«До чего же невесёлая картина...»

Желанная. Да, Русь! Хоть верится с трудом –
Близка, туманна и *желанна*. Обитель.

Заповедная. Твоя ль [отчизна] это радость лес-
ная? Кладбищ вековая грусть? Вот этот, как рана
сквозная, Большак в *заповедную* Русь? На ба т.

Звёздная. В названии стихотворения
«*Русь звёздная*».

Крещёная. Ох, и пьют же на *крещёной* Руси! Му-
жик отводит душу в пьяном кураже, Только что-то
не легчает на душе. Благословенный чёртов
путь.

Лихая. За тёмным окошком, Вздыхая, Смеясь,
Задыхаясь от слёз, Ждёт часа Святая, *лихая* Россия –
предвестница гроз! Пушкин в деревне.

Любимая. И мы ей, *любимой*, приносим Любовь
свою – точность свинца!.. Быть зорям, вздымать-
ся колосьям, И жить тебе, Жизнь, без конца! Ве-
рность.

Лютая. В ранней редакции стихотворе-
ния «В Михайловском».

Невиданная. И я гляжу – не нагляжусь, Не нади-
влюсь Родному краю: Всё, всё здесь – Русь, Но Русь
иная, Ещё *невиданная* Русь. Примета времени.

Нежная. ...железным вражеским силам Непод-
датлива *нежная* Русь! В колокола.

Ненаглядная. Повела куда хотела: Топью, сте-
пью, – всё на кон! Закружила оголтело Бесшабаш-
ным трепакон, Горевальным звездопадом, Сна-
ми сладкими в стогу, Русокосой бойким взглядом,
Жаром осени в логу, Тёплым дымом, чёрствым
хлебом, Зябкой радостью зари, Даровым богатым
небом, – Унесёшь – хоть пуд бери. Заманила, поло-
нила, Светит, смеха не тая... Разнечистая ты сила,
Ненаглядная моя! Русь.

Неподатливая. См. **Нежная.**

Не шибкая на зло. Мы – дети: дочь и сын Руси, на зло не шибкой. – А вы, в ответ, с улыбкой: – Вот пять магнитных мин! В комендатуре.

Нешадная. См. Горевая.

Новая. В названии стихотворения «Новая Русь».

Мать-Россия. Мать-Россия – и розги, и ласыньки – Ни на что не пеняю – твой сын; Только знай: и другие – не пасынки, Век великий твой всем нам – один. Забота.

Родная. – См. Дорогая.

Россия-заря. Пойдите у мирных железных путей, Поклонитесь На все четыре стороны у моста И помяните России-зари сыновей, у которых совесть и честь, как роса, чиста. Двести первая верста.

Русь-река. Все – певцы Руси-реки, Взабыль, в блажь ли – рыбаки: Ловим на воде круги. Рыбаки.

Русь-невольница. За дорогой, на меже, в царстве льна, Как повсюду, – Русь-невольница, вольна! Благословенный чёртов путь.

Святая. Вот так воскресенье На святой Руси! Светопреставленье!.. Боже, пронеси! Грозна доля наша, Пробил чёрный час: Горестная чаша Не миновала нас. 22 июня 1941.

Страдная. Ты мне песнями детство озвучила – Диводарами *страдной* Руси. Дорогая заступа-печальница... Ольга.

Туманная. См. Желанная.

Чужая. Похоже, век не растужусь, Канадский хлебушко вкушая. И, запустеньем поражая, Спокойно дремлет Русь *чужая*: От наших дел не наша Русь. Перемены.

ОТЧИЗНА (ОТЕЧЕСТВО)

Бескрайняя. Вся ты, *бескрайняя*, С высью хребтов, С гулом столиц, С глушью лесов, С далью полей, С глубиной морей, – Стала одним Кровом родным, Долей моей. Отчизна.

Мать-отчизна. Не сумевших от беды тебя спасти, Мать-отчизна, полонённая врагом, Ты прости своих сынов! Прости! Прости! Для тебя на всё готовы: Мы идём! Буря.

Ненаглядная. Над тобою, необъятная, Мать-отчизна *ненаглядная*, Светит солнце незакатное, Блещут звёзды над тобой. Песня о России.

Необъятная. Там же.

Отчизна-заря. Пойдите у тихих железных путей, Поклонитесь на все четыре стороны у моста И помяните Отчизны-зари сыновей, У которых совесть была, как роса, чиста. Двести первая верста.

Скорбное. Тебе, брат мой Лев Николаевич Григорьев, разведчик-партизан Великой Отечественной, отдавший жизнь за *скорбное* Отечество наше. Посвящение к книге «На ба т».

СТРАНА

Простодушная. Живёт, *простодушна*, как правда, на свете Не край, не сторонка – страна. Что знаем о ней мы, беспечные дети? Нам головы кружит луна. «Живёт, простодушна, как правда, на свете...»

СТОРОНА (СТОРОНКА)

Деревенская. Семь хат в стороне *деревенской* – Солдаток двадцатого века. Здесь жили до бури вселенской Сто семьдесят два человека. Иваны да Марьи.

Здесьняя. – Ты вникни: в *здешней* стороне, Уйди она [Фотинья], любви не будет. Обитель.

Лесная. Не забуду я Это начало дня В стороне родимой, *лесной*! Партизанская быль.

Простая. Живёт, простодушна, как правда, на свете *Простая* сторонка одна. Что знаем о ней мы, беспечные дети? Нам головы кружит луна. Ранняя редакция стихотворения «Живёт, простодушна, как правда, на свете...»

Простодушная. Там же.

Родимая. Не шелохнется спросонка Спеющая рожь... Что, *родимая* сторонка, Что ты стережешь? «Льют лиловые потёмки...»

Родная. Разгуделась придорожная струна, Порадовался корявый березняк. Ой, душа моя, *родная* сторона, – Засугробленный тоскующий боляшак. Буря.

Чужая. Крадусь неприкаянным воров *Чужою* родной стороной. Стеной – чернота перед взором, Кромешная тьма за спиной. Россия.

КРАЙ

Безответный. См. **Незаметный** (чужанину).

Возлюбленный. Бесслётно во мгле потрясений Покинуть *возлюбленный* край, Как доблестный Сергей Есенин, Как светоч Рубцов Николай. Русский урок.

Высокий. См. **Откровенный.**

Доверчивый. См. **Ясноглазый.**

Дорогой. См. **Ласковый.**

Заветный. См. **Незаметный** (чужанину).

Заворожённый. Что ж не заглянешь ко мне – Песню улыбкой согреть? Робкую песню мою, Тихую хату в глуши. В *заворожённом* краю Снеги поют. Ни души. Песня («Ходит мороз за окном...»).

Злат-края. Нам были *злат-края* доверены, Чтоб не закрался в них урон, А нам бы в даль: мы были зелены, Заветы дедов – не резон. «Когда мы были очень юными...»

Ласковый. Смирн, свеж спозаранку, *Ласков* край дорогой мой. Лишь косцов перебранку Множит эхо за поймой. «Смирн, свеж спозаранку...»

Любимый. Захлестнёт неодолимой Жаждой: жить!.. Как тебя мне, край *любимый*, Не любить! По росе.

Нагой. Предзимью сожаленье не дано: Оно счёт и жжёт края *нагие*; Разлука, Сутемь, Горечь – ледтаргия; Просторы – как закрытое окно. Предзимью сожаленье не дано. Ноябрь.

Незаметный (чужанину). Неречистый, безответный, Как моё «ау!», Край родимый, край заветный, Чужанину *незаметный* – Чудо наяву! Канун.

Нездешний. Будто край *нездешний*: Весь-то он лучится! Мне, как птахе вешней, Тоже не молчит-ся. Апрель.

Немой. Станет мне надёжно и легко Верить и дышать в *немом* краю; Загадав далёко-далеко, Сам – своё – тихонько запою. У костра.

Неречистый. См. **Незаметный** (чужанину).

Неслышный. В неоглядных пожнях, Выстудив просёлок, Забавлялся ветер, Радостен и колок, Задирает осоку, Целовал осины... Край ты мой *неслышный*, Любые картины! «До жигала осень...»

Откровенный. Милые картинки. Край мой *откровенный*, Друг мой неизменный, И туза о лете, Ты высок и светел. «Завлекают вёрсты...»

Отчий. О дети России, родная порода, Край *отчий* – начало начал. Стезя.

Партизанский. Всё перемелется.

Полноводный. Не смолкает над покосами Сказка солнечных лучей. И лоза зеленокосая Запрокинулась в ручей. Молодые руки свесила, Жаркой жажды не тая. И ручью бежит-ся весело В *полноводные* края. «Не смолкает над покосами...»

Родимый. *Родимый* край, в который раз Июля россыпь? Сто лет назад, Вчера, сейчас – На зорях росы. «В который раз одно и то ж...»

Родной. В большом и в малом, Здесь и там, Зов новой жизни примечая, Не узнаю *родного* края, И, в сердце радость не скрывая, Жму руки братьям-мужикам. Перемены.

Свежий. См. **Ласковый.**

Светлый. См. **Откровенный.**

Синеглазый. Ранняя редакция стихотворения «Русская земля».

Смирный. См. **Ласковый.**

Холодный. Так почему же *холодны* Края чужие? А здесь – глухие валуны, И те живые. «В который раз одно и то ж...»

Чужедальний. Друзе! Ждёт тебя дорога В чужедальние края. Ты молчишь тепло и строго, Ясной грусти не тая. Отвальная ода.

Чужой. – Я что тебе сказать хочу: Они как мы, да не на месте – Как ржавый гвоздь в пшеничном тесте. Лакеям власть не по плечу. Кто – свой, кто – из чужих краёв, Ура-старатели парада. Обитель.

Ясноглазый. О край, Ясноглаз и доверчив! Тебя на потеху войне Хватают клыкастые смерчи И в чёрном корёжат огне. Верность.

Ясный. Ни дымка. Спозаранку Ясен край дорогой мой. Утреннее.

Злат-края. Нам были злат-края доверены, Чтоб не закрался в них урон, А нам бы в даль: мы были зелены, Заветы дедов – не резон. «Когда мы были очень юными...»

ЗЕМЛЯ (ЗЕМЬ, ЗЕМЕЛЮШКА, ЗЕМЛИЦА)

Белёсая. Месяц-ветух полуосвещает белёсую землю, иссиня-тёмную стену ельника и переполненную грозой чёрную тучу... Всё перемелется.

Бессмертная. Сушь всё лето – несчастье: Зной-бездожде – напасть, Только нету им власти Над бессмертной землёй. Бездожде.

Большая. В назв. Большая земля (так партизаны называли советскую землю, расположенную за линией фронта). Вскоре после нашего появления в отряде Тимофея Егорова группа партизан, в которую попал и я, отправилась встречать «Дуглас» с Большой земли. Всё перемелется.

Валунистая. Но победа тебе Не легонько досталась: С той поры, С тех времён ты [земля] Валунистой, Холмистой осталась. Витебско-Невельская возвышенность.

Весёлая. Телега твердит на колдобинах: «Скорее, скорее домой!..» Земля без идиллий особенных, Сказать – не фатовей иной. <...> Какие просторища вихорю! Полынно. А ты весела. Прости деревенскому хихарю, Что он поотвык от села. Тихая родина.

Вольная. Лужки-луга, любимый край, Медвяный и бодрящий воздух! Глазами радостно летай По вольной по земле колхозной. В колхозных лугах (пер. с литовск.).

Глухая. Что я любил? – землю глухую, Жену, сбежавшую с другом моим, В час горевальный забаву плохую – Воспоминаний едкий дым. На огонёк.

Гордая. Ты глядела с горячей печалью На лавины, полки, легионы и орды... Ты была молчаливой, и гордой. И каменно-твёрдой. Витебско-Невельская возвышенность.

Горевая. Третий год на земле горевой Дьяволеет свинцовый ад. Не упомнить, в который бой Окунаемся мы подряд. Не спать.

Горькая. Ах, летняя ночь, тихая ночь, Короткая, как ты длинна! Не завораживай, не морочь, Не стражай покоем до дна. Не опоздает никто умереть На этой горькой земле. Дозволь подышать, дай погореть, Погоревать во мгле, О ясном солнце погоревать... Огонь на себя.

Грешная. И встала [душа], дни мирные благословляя, Святая на грешной земле, – Суровая, чистая, злинкой не злая, В прискорбии, в шрамах, в золе. Стезя.

Грозная. Это было, было, было На Руси моей; На земле седой и слёзной, Льющей кровь свою, Неподкупной, гордой, грозной В праведном бою. Плач по Красухе.

Добрая-предобрая. См. Русская-прерусская.

Дорогая. ...знаю, земля дорогая, Что сердце твоё золотое пылает, Горит, не сгорая! Беларусь.

До сердца раскроенная. На земле, до сердца раскроенной, Шестнадцать часов подряд Разматывались русские воины: Спят, спят, спят. Двести первая верста.

Жёсткая. Людская судьба – не дорога во поле – По жёсткой земле пролегла. Стезя.

Загубелая. А день ничего себе: Точен и прочен, Всему свой и срок, и черёд. Здесь даже осиновый тын у обочин, Что может, от жизни берёт. Он крохотки-корни Земле загубелой Доверил. И сжали-

лась мать – Зажгла, Одарила листвою оробелой, Торопится свадьбу сыграть. Май 1945 года.

Задумчиво-грустная. С той беды Ты [земля] не мягкою стала – кремнистой И такой же *задумчиво-грустной*, Как твой пахарь плечистый – Мужик белорусский и русский. Витебско-Невельская возвышенность.

Заклёкляя. Пахали, *заклёкляю* землю вздымали Простым агрегатом – горбом. Тяжеле работа бывает едва ли, Чем пахота та под бугром. Стезя. ~ Заклёклый – засохший.

Залитая кровью. Стенают пробитые зори, Сочатся в убитую рожь. Стекают к её изголовью, К последнему всхлипу её, На землю, *залитую кровью*, На горькое сердце моё. Верность.

Замершая. На обратном пути от партизан, обсуждая опасное задание начальника разведки подпольного центра, Любовь Смурова сказала как будто не только себе и мне, но всей ночи, всему лесу, всей *замершей* земле: – Я жизни не пожалею для России! Всё перемелется.

Звонкая. Шире огонь. Собачонка лает. Над *звонкой* землёй впереди – звезда! На огонёк.

Земля-землица. Земля-землица, Как молодлица, Вздремнёт минутку Чутко-чутко И снова встанет – Вся в росах-звёздах, В серьгах красных, В незабудках... Май.

Земля-малютка. О, слышишь ли меня, земля-малютка? Вращаешься в пространстве ты, горда. Разговор с землёй (пер. с литовск.).

Земля-сирота. Гудело в ушах, каменели колени, скрипели, трещали хребты. А нам – ни унынья, ни страха, ни лени: Не будет земли-сироты. Стезя.

Земь-матерь. Неулыба Краснолесич – бор И в угрюмой думе беспечален, Жизнь к земли-матери причален... «Звездопада Августовна – ночь...»

Зябкая. Селенья, будто вздох судьбы славян: Туготино, Красуха, Локоть, Уза... На *зябких* землях – гостя тёплых стран, Затея недоумка – кукуруза. «На неостывших ворохах золы...»

Израненная. Над нею [землёю], *израненной*, сеченой, клятой, Бездомной ничьей сиротой, Донельзя расхристанной, нищей, патлатой Витает Егорий святой. В Егорьев день.

Каменистая. Витебско-Невельская возвышенность.

Каменно-твёрдая. См. Гордая.

Клятая. См. Израненная.

Колхозная. См. Вольная.

Красная. – Кр. ф. *красна*. Похолодало. Засентябрило. Кругом – земля *красна*! Благословенный чёртов путь.

Кремнистая. См. Задумчиво-грустная.

Кровью омытая. Дело почивших и сущих Сердцем тревожным приемлю: Зовы столетий грядущих, *Кровью омытую* землю. «Любо ли, так себе, лихо...»

Любовью повитая. И земь, *любовью повита*, Сулила всходы невозможны. Вьюга.

Матерь-земля. Конёк всё бежит неторопко, От зноя мигают поля, – Знакомая сизмальства тропка, Притихшая *матерь-земля*. В Михайловском.

Мать-земля. Взошли рядом, заметь-ка, На грядке у куста Бурак, Чеснок И редька – Два брата и сестра. Тепло и свет Светило Им слало, не скупясь, Их облако поило Живой водою всласть; И в дрожь гроза бросала, И тля на них ползла. Но *мать-земля* спасала Их от любого зла. «Взошли рядом, заметь-ка...»

Мать-сыра земля. Да будет вам пухом *мать-сыра* земля! Посвящение к книге «Набат».

Молчаливая. См. Гордая.

Молчливо-кроткая. И земля *Молчливо-кроткая* Вся затеплится От желтизны, И смешается радость короткая С долгой грустью Озябшей желны. «Пресной стужей...»

Мягкая. См. Задумчиво-грустная.

Немая. Разговор с землёй (пер. с литовск.).

Неподкупная. Плач по Красухе.

Непокорённая. Письма, документы, человеческие признания и откровения – свидетельства событий военного лихолетья на *непокорённой* земле русской... Огненный круг.

Нерусская. – Слышать, побывал в загранице. – Поклон ему свёз и венок. – Как спит он в *нерусской* земле, Твой друг, мой последний сынок? Не восемь полей перейти.

Неслыханно поруганная. И, как никогда, людей потянуло к Пушкину, Кольцову, Ключеву, к «Коробейникам», к «Барыне», к «То не ветер ветку клонит», к опере «Жизнь за царя»: кого – к кому, кого – к чему. Но непременно к настоящим провидцам и певцам ныне *неслыханно поруганной* и обиженной, обожасмой земли Русской, её обкраденного – осовеченного и обыностраненного – Глагола и Напева. Всё перемелется.

Обиженная. Неугасимо, пусть и скупое, Земле *обиженной* заступа Сулит: – Дотянем до грача! Обитель.

Обожаемая. См. **Неслыханно поруганная.**

Овдовелая. И земля, на Покров *овдовелая*. Вновь затеплится от желтизны. И смешается радость несмелая С громкой грустью озябшей желны. «Чем, берёзки, вы лето обидели?..»

Оглохшая. Он, как мог, Помог рассвету И сегодняшнему Твоему Безоблачному лету Раззвенеться Над *оглохшею* землёй. Заземление.

Огнеопасная. Это надо для сущих И для грядущих внучат – Незастрахованных граждан *Огнеопасной* земли. Двести первая верста.

Огромная. Спит земля, *огромна* и просторна. Перезрев, Слетают звёзды-зёрна. «Спит земля, *огромна* и просторна...»

Отчая. Не шелохнется спросонка Спеющая рожь... Что, родимая сторонка, Что ты стережёшь? Что хранишь ты и лелеешь, *Отчая* земля? «Льют прозрачные потёмки...»

Перепуганная. Не море – горящее горе, Земли *перепуганной* дрожь. Свисают пробитые зори, Ложатся в убитую рожь. Верность.

Печальная. «Спит земля, огромна и печальна...»

Плакучая. Конёк семенит неторопко, От зноя мигают поля, – Знакомая сызмальства тропка, *Плакучая* мать-земля! Пушкин в деревне.

Поверженная. Год сорок первый. Полночь декабря. Метель-звериха, жалобно и люто, Глумится над *поверженной* землёю. Воробьёвы горы.

Порыжелая. Хотя чего напридумай-наделай, Хотя грози извести на корню – Наши корни в земле *порыжелой* Не унять никакому огню. «Дорогие лесные пустыни...»

Праведная. На Земле, и *праведной* и грешной, Ей [эпохе] любая малость – не чужая: Ливень вешний, и мороз кромешный, И в горсти щепотка урожая. Написавшие кое-что.

Притихшая. В Михайловском.

Просторная. См. **Огромная.**

Псковская. Отечественную войну я встретил и провел на *Псковской* земле. Хлебнул унижения, тоски, горестных тревог, чёрных мук оккупации. Всё перемелется.

Равнодушная. Зачем-то к земле *равнодушной* Прижмёшься горячей щекой, Как в детстве стогревшем, послушный, Вздохнёшь, что совсем не такой. После войны.

Родимая. Зовуч земли *родимой* корень: Из Новеграда в отчий курень Пожаловала Ольга летом. Начало Пскова (из поэмы «Зажги звезду»).

Родная. А красота – не мне учить (В наставники, ей-ей, не лезу) – Нужна России до зарезу: Чтоб сердце не ожесточить! Хотя в поле вишенкой простой О первородине напомнить – Родством с *родной* землёй наполнить. Безродный человек – пустой. Обитель.

Русская. Сходит крадучись, прохлада С плёса на поля... Мир, просторище, отрада, – *Русская* земля! Русская земля. См. **Неслыханно поруганная.**

Русская-прерусская. Добрая-предобрая, *Русская-прерусская*, Нас земля баюкает с тобой!..

До зари недолго: Розовинка узкая Косарей склика-
ет в травостой! Июль.

Священная. В каком соблазне иступлённом
Гульбит *священная* земля! И пляшут в празднестве
зелёном Её нетрезвые поля! На дороге.

Светлая. Прямо – дали без грани, За спиною –
Полсвета. И любить не устанешь Землю *свет-*
лую эту. Утреннее.

Седая. Плач по Красухе.

Сеченая. См. **Израненная.**

Скорбная. Не опоздает никто умереть
На этой *скорбной* земле. Двести первая вер-
ста.

Слёзная. Плач по Красухе.

Стреноженная туго. Молчит земля, *стрено-*
женная туго, Ни огонька на ветках, ни движенья,
Но ищет сизогубый холодюга У полонённых почек
примиренья. Не одолимость.

Сушь-земля. *Сушь-земля* сырая, Тихие укоры,
На тебе сгорая, Сердятся моторы. «Сушь - зем-
ля сырая...»

Сырая. Пускай подписал мне погибель Вражи-
на, Что толку, Любить не заставил тюрьму. А зем-
лю *сырую* У горького сына, Россию мою Не отнять
никому! Во тьме. – Не нынче, так завтра ты бу-
дешь на воле, – Мать-землю *сыру* поцелуй, Шепни:
скоро цвести тебе, мёртвое поле! Стезя. В боль-
шом и малом здесь и там Поруха жизни... Земь *сы-*
рая, Не узнаю родного края И в храме – нынешнем
сарай – Роняю слёзы в хлам и срам. Перемены. –
Да ты и взыблешь без стыда: Да чтобы дом поджечь
– своей рукою? Да не видать бы мне покою В *сы-*
рой земелюшке! Беда! Обитель.

Тихая. В обнимку, траву в инеек наряжая, Злат
листья ссылая в кошли, Грустила-октябрь и День
Урожая На *тихую* землю пришли. Там же.

Угрюмая. Что ж, Мы с вами не так-то и плохо
уж прожили: Никогда не чурались *Угрюмой* земли.
Марья Степановна.

Фартовая. См. **Весёлая.**

Холмистая. См. **Валунистая.**

Холодная. – Обособл. Сегодня сердцу отгадать
дано, Как в царствии земли, Не ведающих зим, И
всё-таки *холодной*, О лядях сиротливых журав-
ли Горланят вдохновенно и заботно, Поднявшись
на крыло с чужих болот: «Домой, домой! В обрат-
ный перелёт! Домой, домой, – без нас не сгинет
лёд!» Весеннее.

Чёрная. Седает бурая тропка И ёлок сизые ко-
пья: На землю *чёрную* робко Садятся белые хло-
пья. Праздник урожая.

Чудо-земля. Василий Ильич сделался моим пу-
теводителем по *чудо-земле*, стал первоучителем
её языка и вдохновенной поэзии. Это с его лёгкой
руки я всем сердцем прикипел к *Беларусі* и навсег-
да полюбил *беларусаў* – славный славянский на-
род. Всё перемелется.

Чужая. Давно ли улетали журавли С обжитых
мест на край *чужой* земли... Весеннее.

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Советная. «Россия не может не быть...» 5

«Вечный Дух родной Руси!»

Стихи финалистов и лауреатов конкурса

«Я не мыслю себя без России» 9

«На Руси нельзя не верить...»

Внеконкурсные стихотворения 65

«И песне той отозвалась душа...» (Переводы стихов

Игоря Григорьева на братские славянские языки) . 101

Стихи на белорусском языке 102

Стихи на болгарском языке 126

Стихи на украинском языке 128

А. П. Бесперстых. Родина в эпитетах

Игоря Григорьева (Словарь) 145

«Я НЕ МЫСЛЮ СЕБЯ БЕЗ РОССИИ...»

Международный поэтический конкурс
им. И. Н. Григорьева

Составитель Наталья Викторовна Советная

Редактор М. Е. Устинов
Дизайнер А. В. Селенкова

Гарнитура PT Serif. Печать офсетная. Печ. л. 10,25
Тираж 300 экз. Заказ № 825

Отпечатано в типографии «Политехника-сервис»
с оригинал-макета заказчика
190005, Санкт-Петербург,
Измайловский пр., 18-д



Санкт-Петербургское отделение Союза писателей
России в связи с 90-летием поэта и воина
Игоря Николаевича Григорьева
объявило ежегодный Международный конкурс
лирико-патриотической поэзии
«Я не мыслю себя без России»

Его итоги представляет
Первая международная конференция
«Вера. Отечество. Слово»
(Международные литературные чтения
имени Игоря Николаевича Григорьева:
Творчество поэта-воина Игоря Григорьева
и писателей его поколения
Санкт-Петербург. 13 ноября 2014 г.)

Положение о конкурсе – на сайте
Санкт-Петербургского Дома писателей:
<http://dompisatel.ru/node/1507>